

Айя С.

ПАДАЛЬЩИКИ

НЕПОГАСШАЯ
НАДЕЖДА

Айя Сафина

Падальщики.

Непогасшая надежда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37390186
SelfPub; 2021*

Аннотация

Интенсивное потребление человечества приводит к таянию антарктических льдов, из глубин которых вырывается смертоносный вирус, выкосивший девяносто процентов населения Земли. Спустя сорок лет на подземной военной базе Желява оставшиеся в живых люди хватаются за последние попытки выжить среди охотящихся на них чудовищ. Отряды специального назначения Падальщики – единственные, кому разрешено выбираться на поверхность, чтобы поддерживать жизнеспособность базы. Но и среди них нет единства. Сгниют ли остатки человечества под землей из-за страха перед вирусом, господствующим на поверхности, или будут бороться до конца?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.Пролог	5
Добро пожаловать на Желяву	7
2.Мир умирающих грез	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Айя Сафина Падальщики.

Непогасшая надежда

В оформлении обложки использовано изображение по лицензии [CC0 Creative Commons](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) с сайта

<https://pixabay.com/en/apocalyptic-trees-forest-buildings-2147936/>

В оформлении обложки использовано изображение от ksouth по лицензии [Creative Commons Attribution 3.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) (CC BY 3.0) с сайта

<https://www.deviantart.com/ksouth/art/GRAW-2-Render-Ghost-60576080>

1. Пролог

Когда мы потеряли мир?

Наверное, когда возомнили себя богами. Когда решили, что имеем право разрушать планету и проектировать ее согласно нашим схемам. Мы растили сады в пустынях, чтобы усладить свой взор. Мы создавали острова в океанах, чтобы усладить наши тела. Мы поворачивали реки, осушая моря, чтобы выращивать пищу, которой не хватало все больше. Мы сбрасывали тонны ядовитых отходов в колодец, из которого пили. Мы истребляли живность и растили ее в неволе для собственного удобства. Мы стали болезнью для Земли.

А потом мы нашли свой ад.

Нашли где-то в глубинах тающих антарктических льдов, куда нас занесло в поисках новых мест, которые можно разрушить. Мы выпустили дьявола из недр и попытались его приручить. Но мы допускали ошибку за ошибкой, не желая признать тот факт, что есть феномены, с которыми мы не в силах совладать. Нечто могущественное и древнее, как сама природа.

Наше высокомерие мнимых богов подарило дьяволу свободу, и он без сожаления превратил нас в своих демонов.

Теперь настал его черед кромсать наши тела согласно его чертежам. Борьба с ним закончилась, едва начавшись. Потому что он могучий незыблемый глобальный и был таким

с незапамятных времен. Это – активированный механизм природы, которую мы вынудили вынести нам смертный приговор.

Мы вынудили сам мир стереть нас с лица земли.

Вирус загнал нас в подземные клетки без окон и дверей, на корабли, которым не суждено причалить, на вершины гор, откуда никогда больше не спуститься. И стал выжидать, точно хищник – свою добычу, когда мы ослабленные, голодные, больные попытаемся вернуться в мир, ища надежды на прощение. Он обрубал ее безжалостно и свирепо, нахально заявляя, что отныне Земля – его вотчина.

Добро пожаловать на Желяву

7 декабря 2071 года. 07:34

Тесса.

Очередной дерьмовый сон, в котором все события происходят не по моему сценарию.

Один ученый-биолог с нашей базы сказал мне как-то, что сны не должны быть осознанными, потому что в таком случае мозг продолжает вести деятельность в активной фазе и в будущем может перегореть, как движок в автомобиле, если не давать ему продохнуть. Но в подобных снах, где я убегаю от полчищ зараженных, я бы хотела контролировать события. Потому что итог сновидений остается неизменным: меня настигают. Зараженные набрасываются на меня со всех сторон и впиваются острыми зубами в руки, ноги, живот, шею. Мне не столько больно, сколько страшно от того, что я не могу дотянуться до пистолета, который лежит всего в полуметре от меня.

Это мой инстинктивный страх – не успеть застрелиться до того, как потеряю сознание. Потому что как только я умру, я превращусь в одного из них.

Нас солдат учат оставлять одну пулю в магазине для себя. Как говорит Полковник Триггер:

– Укушенный человек – плюс один в стане врага.

Еще ни в одном сне я не успела застрелиться до того, как

меркнет картинка перед глазами.

В коридоре раздались первые шаги – началась гонка за душевую. Я помню, как сама вставала на полчаса раньше объявленного подъема, чтобы успеть принять душ до завтрака. Но даже в такую рань в душевой уже была очередь из сотни таких же новичков. Новобранцам у нас тяжело – это факт. Но зато это – отличная школа жизни. Здесь под землей, вообще, быстро вырастешь.

Наша подземная военная база официально носит название Объект 505. Но мы ласково зовем ее Желява. Когда-то давно во времена войн, которые прошли уже сотню лет назад, она являлась крупнейшей военной авиабазой в Европе. Здесь базировались истребительные и разведывательные эскадрильи, в чьей службе находились пять взлетно-посадочных полос. Огромный радар выигрывал преимущество для базы своим расположением на горе, в системе противовоздушной обороны целой страны он являлся ее центром. Подземный комплекс авиабазы был выстроен так, что способен выдержать удар двадцатикилотонной ядерной бомбы, а попасть внутрь базы можно было через четыре стотонные двери с воздушным подпором, они предназначались для самолетов.

Сегодня из наземного комплекса не осталось ничего кроме дверей. Да и тех всего две. Остальные входы мы потеряли. Взлетно-посадочные полосы заросли травой так, что их и не различишь посреди зеленого ковра, а заржавевший радар

теперь служит постаментом для автоматической турели.

Отец рассказывал, что, когда они перебрались сюда, база уже много десятков лет была заброшенной и им пришлось буквально восстанавливать ее с нуля. Благодаря тем инженерам и строителям, у нас есть обогреваемые казармы, генераторы, вырабатывающие электричество из солнечных батарей, источник питьевой воды, трубы от которого проходят под землей до ближайшего родника, и вентиляционные шахты, благодаря которым мы до сих пор живы в этом гигантском гробу.

Удивительно, что спустя тридцать лет мы все еще пользуемся гениальными разработками тех инженеров. Прочность и долголетие укрепительных устройств, турелей, систем жизнеобеспечения объясняется осознанием инженеров прошлых лет сурового факта: мы не скоро выберемся наружу. Желяву воссоздавали из материалов и инструментов, что удавалось добыть во вражеском мире, зачастую в обмен на человеческие жертвы. Желява стоит на костях. В стенах Желявы течет кровь героев, самоотверженно пожертвовавших собой ради сохранения остатков цивилизации. Они в буквальном смысле закладывали нас кирпичами, пока враг пожирал их заживо. Я, как и тысячи остальных жителей базы, родилась посреди ада, мое рождение окроплено кровью десятков тысяч людей, которые возжелали умереть ради меня. А я даже не знаю их имен. Буддист любит говорить, что мы все прокляты с рождения, так он понимает смысл выраже-

ния «первородный грех». Мы должны были погибнуть, как повелел сам Бог, но мы и тут пошли ему наперекор, навечно прокляв себя и заперев под землей. Да, мы едва появились на свет, а уже пали в грех.

Как бы то ни было, но грешная Желява уже почти тридцать лет выживает во вражеском мире. В мире, который у нас украли. В мире, из которого нас изгнали.

Жизнедеятельность базы подобных масштабов невозможна без огромного количества отходов. Зараженные не могут найти нас по тому, что поступает в базу: солнечные панели снаружи, трубы с питьевой водой – все это не имеет манящего запаха. Но канализация и вентиляционные шахты – это иное, это – то, что исходит из базы, а значит оставляет за собой следы, по которым зараженные легко бы нашли нас, если бы не многоуровневая система фильтрации в отходных трубах. Именно по запаху зараженные вычисляли нас много лет назад.

Они чуют запахи похлеще волков. Заметки солдат, которым удалось покинуть атакованные лагеря и базы живыми, дают ясно понять, что зараженный способен учуять запах человеческой плоти за два километра, и тогда начинается цепная реакция или, как сегодня ее называют – цепная миграция. Зараженные, находящиеся на отдалении более чем двух километров от источника, чуют запахи своих собратьев, которые начинают перемещаться поближе к добыче, и следуют за ними. Наши биологи говорят, что их поведение ничуть

не отличается от поведения хищников в дикой природе, которые также способны отслеживать перемещения соседних стад, прайдов, стай посредством запахов. Но мне всегда казалось, что здесь лежат гораздо более глубинные процессы.

Мне несколько раз довелось видеть нападение зараженных, и я уверена, что в их атаках прослеживались размытые следы построений в виде клиньев, а значит зараженные выделяют лидеров в своих группах. Мне не верят. Я и не настаиваю. В конечном счете, какая разница строятся они или нападают в хаосе? Итог один – мы все равно их убьем.

В северной части базы располагается ее сердце – военный блок. Не удивляйтесь, в условиях выживания солдаты стали лидерами человечества, потому что умеют принимать быстрые решения и нажимать на курок без сожаления. Времена высокой морали и духовной этики канули в Лету, когда мы стали помирать со скоростью свиста. Сегодня выживает сильнейший. В военном блоке построены казармы, тренажерные и симуляторные залы, которые всегда заняты солдатами. Там мы ежедневно практикуем свои силовые приемы и взаимодействие во время боя между собой в системе Фелин¹ – высокотехнологичное наследие прошлого. Не уверена, имеют ли другие базы выживших что-либо подобное. Фелин – настоящее сокровище. Сорок лет назад пока остальные

¹ **FÉLIN** (Fantassin à Équipements et Liaisons Intégrés) *прим.: ударение на последний слог* – комплект индивидуальной экипировки пехотинца, разработанный французскими учеными.

опустошали продовольственные магазины и присваивали автозаправочные станции, наш Генерал со своими сподручными вывозил оборудование с военных баз, схемы и образцы новейших разработок, а также запасался оружием и патронами. Мы все живы благодаря ему. Это неоспоримый факт. Он стал нашим лидером, за которого многие потом умирали, как во имя нового бога. Бога нового мира.

Фелин – это компьютерная шина для обмена информацией между солдатами. К ней подключены все видеокамеры, тепловизоры, радары, разнообразные приемопередатчики с наших шлемов, винтовок и колесной бронетехники. Фелин – наш гений, она обладает собственным интеллектом, который постоянно улучшается нашими инженерами и компьютерщиками. Она умеет автоматически вычленять наиболее уязвимые места в обороне, определять в атакующие группы и даже отдавать команды. Благодаря ей мы способны видеть глазами товарища или бронетехники, покрывая своим взором территорию в несколько десятков квадратных километров – достижение первостепенной важности, поскольку зараженные развивают скорость бега до трех километров в минуту. Сегодня мы интенсивно развиваем нашу огневую мощь, чтобы быть как можно менее уязвимыми перед врагом. Хотя, как по мне, то можно было бы и исследовательскому блоку дать больше свобод и возможностей, нежели исследованиям в сфере баллистики. Убить зараженного – много ума не надо, а вот увеличить производственные мощности агроблока

— это настоящая проблема, от решения которой зависят пятнадцать тысяч жизней.

В западной части базы в лабораторном блоке, не выходя, трудятся ученые. Да, мы потеряли наш мир снаружи, но мы все еще остаемся людьми и за свою историю боремся до последнего в стенах лаборатории. Благодаря нашим исследователям мы узнали о сильных и слабых сторонах врага. Последних, к сожалению, существенно меньше. Помимо осторожного изучения вируса, наши ученые работают над сохранением адекватной жизнеспособности населения базы, потому что жизнь в условиях отсутствия солнечного света неизменно влияет на здоровье человека. Демографическая проблема становится все более острой с каждым годом. Смертность наступает рождаемости на пятки.

У нас также есть пищевой блок с поварским цехом и оранжереей, где под светом ультрафиолетовых ламп агрономы выращивают сою, разными формами которой мы и питаемся. Иногда мы тешим себя мечтами о создании наземных теплиц на поверхности, где можно было бы выращивать настоящие овощи и злаки, но до сих пор инженера не смогли представить какой-либо обнадеживающий проект безотходных парников придирчивому глазу Генерала. Мечты по-прежнему остаются мечтами.

На базе живет около пятнадцати тысяч человек. Мы — крупнейшая база на территории бывшей Европы, по крайней мере из тех, про которые мы знаем. Когда сорок лет назад

с глобальной пандемией пришел хаос и люди стали спасаться кто как может, самые умные и дальновидные спрятались под землей, и теперь мы – их потомки – пытаемся наладить связь с выжившими после Вспышки. На сегодняшний момент мы ведем связь с укрепленным бункером «Валентин», который находится на севере бывшей Германии и прячет под собой четыре тысячи человек. А к югу от нас на территории бывшей Албании есть подземная база Порто-Палермо, которая раньше служила базой для подводных лодок. После Вспышки ее соединили туннелями с рядом стоящим старинным замком с аналогичным названием, там укрывается порядка шести тысяч человек. По слухам, которые старше меня и которые передают от одного поколения следующему, я знаю, что существуют другие подземные базы где-то в Норвегии, Крыму, Швеции. Но чтобы проверить эти слухи, нам надо забраться слишком далеко от дома, а этого мы себе позволить не можем. Земля принадлежит зараженным, и долгое брожение по их обители вызывает цепную миграцию.

До обеих баз около полторы тысячи километров, и связаться с ними мы смогли только благодаря усилиям Падальщиков, среди которых есть радиоинженерный отряд, в его обязанности входит разметка схемы радиорелейной связи, которую мы устанавливаем между уже существующими антенными вышками. Мы отстраиваем наземную связь заново, поскольку за сорок лет мы потеряли все спутники связи и вещания, а орбитальные станции, по мнению наших ученых,

уже давно покоятся останками где-нибудь в океане из-за отсутствия поставок с земли.

Если поделить население базы на пропорции, то примерно пятнадцать процентов составят ученые. Это биологи, генетики, медики, химики, физики: в общем, целая куча «логов» и «иков». Инженеров, обслуживающих сложные технические составляющие базы, будь то трубопроводы, электропроводка, компьютерная техника – около двадцати пяти процентов. Десять процентов останется за рабочим персоналом, вроде поваров и агрономов. И оставшиеся пятьдесят процентов – военное сословие.

Во времена выживания солдаты нужны везде. У нас есть отряды внутренней безопасности, в чью обязанность входит охрана самой базы от беспорядков (в условиях подземного заточения легко слететь с катушек). Отряды внешнего наблюдения ведут караул на поверхностных территориях посредством сотен камер видеонаблюдений, разбросанных по периметру вокруг базы в три с половиной километра. Ну и мы – отряды специального назначения. Или, проще говоря, Падальщики, потому что мы питаемся погибшим снаружи миром, питаемся мертвыми остатками цивилизации, чтобы продолжать свое существование. Иногда нас называют «без пяти минут мертвецы» или «призраки», потому что у нас больше всего шансов погибнуть. Только Падальщики наделены полномочиями выходить во внешний мир, делаем мы это по разным причинам: поиск выживших, сбор полезного

материала для лабораторий и инженеров, составление карты расположения вражеских единиц.

Электросхемы из земли не взрастить, металлолом с деревьев не собрать, за всем этим добром надо выходить наружу. Однажды мы даже отправились на месторождение редкоземельных металлов. Ученые работали над увеличением производимой мощности солнечных панелей путем сохранения энергии в аккумуляторах. Мы привезли им большие цветастые минеральные глыбы, из которых ученые выскребли лантан, церий, неодим и создали аккумуляторы большего объема. Так у нас закончилась эра перебоев со светом, в течение которой электричество подавалось по очереди в каждый из четырех блоков. Я помню те времена мрака. Каждому блоку выделялся час освещения, после которого наступали три долгих часа мрака. Как-то мы с братом после очередного посещения запретного для нас компьютерного зала в военном блоке не успели добежать до нашего спального отсека, мрак застал нас в коридоре на полпути. Там мы и просидели три часа, держась за руки, потому что в непроглядной тьме подземелья даже низ от верха не отличишь. Лишь холод металлической обшивки стен придавал хоть какую-то форму этому ничто вокруг. Иногда мозг поддавался паническим атакам так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди, а дыхание вторило, подобно соучастнику, казалось, будто земля уходит из-под ног, а голова воспаряет под звезды и даже дальше, словно я впадала в транс, покидала свое тело и до-

стигала катарсиса, который открывает мне тайны мироздания. Тогда я еще крепче сжимала руку Томаса, который, как старший брат, обязан был защищать меня ото всех напастей. В ответ он начинал рассказывать пошлые истории, которые бродили в его инженерной учебной группе, полной подростков с бушующей от гормонов кровью в венах, потому что нормальные истории у него иссякли под конец первого часа периода царствования холодного мрака, которому не было видно конца. Когда освещение наконец дали, мы почувствовали себя вновь перерожденными. А так оно и было, я вынесла оттуда искру, которая добавилась к сотням таких же искорок, и вместе они разожгли, наконец, вечное пламя. Никогда не забуду откровение, что снизошло на меня во тьме: тогда явственнее всего ощущалось давление земли на потолок, и хотя обвалы случались редко, внутренний страх быть погребенной заживо заставлял тело бунтовать всей этой системе подземного спасения. Мы не можем здесь оставаться – мысль, которая загорелась огоньком слабой спички посреди ледяного бездушного мрака, а с возрастом превратилась в лампочку накаливания, а сейчас ослепляет ярким неотступным светом тысяч прожекторов. Томас называл ее безнадежной, Триггер – нереализуемой, я – стоящей жертв. Хотя на самом деле, не было никакого откровения, приближения к Богу и тайнам Вселенной, а всего лишь первые предвестники обморока от интенсивного кислородного обмена. Но страх родил пламя, и ему уже не суждено было потухнуть.

Мы еще несколько минут сидели возле стены, приводя в норму онемевшие от холода, нет, не конечности, а нервы. В этом безумном мире нервы вообще по-хорошему отрезать бы, чем хладнокровнее ты, тем больше шансов выжить. Хорошо, что родители были на миссии с Падальщиками на поверхности, а то мы немало наказаний заработали бы такой выходкой.

В общем, полезные дела совершают Падальщики. Мы добываем сырье для построения нашего нового мира под землей. Печально, но это – факт. Зараженные отобрали у нас поверхность, и мы начали соседствовать с кротами. Раса разумных существ, которая еще сорок лет назад запускала ракету на Марс, из-за своей гордыни и прожорливости потеряла все.

Стоило мне только привстать и сесть в кровати, как тут же в коридоре раздались бодрые юные голоса, пробежавших мимо новобранцев:

- Доброе утро, Командир!
- Здравия желаю, Командир!

Молодняк у нас дисциплинирован, и я всеми своими конечностями за жесткий порядок на базе. Мы здесь все боремся за выживание, и эта борьба не терпит слабостей и соплей, они неизбежно ведут к промахам. А цена ошибок сегодня велика, как никогда. Но все же я не хочу казаться недоступным безжалостным судьей для своего отряда, а потому дверь в мою спальню всегда открыта, даже ночью. Любой может

зайти ко мне с просьбой, новостями, жалобой. Или просто поныть. Последним злоупотребляет мой сержант Бриджит – по совместительству моя лучшая подруга. Одни командиры считают мое поведение нелепым, я кажусь им доверчивым человеколюбом. Другие прощают мне эту странность, потому что боятся меня, ведь я – лучшая из них.

И я это знаю.

Я возложила слишком много жертв на этот алтарь, чтобы просто так все профукать. Слишком много крови, боли, слез и частиц моей души были оторваны от меня прискорбными событиями. Я должна была стать сильной. У меня просто не было выбора.

Полковник Триггер возлагает на меня большие надежды. Он хочет сделать из меня своего протеже. Он никогда не говорил об этом напрямую, но его внимание к моей персоне говорит за себя. Он один из немногих, кто заметил во мне этот потенциал напалма, который невозможно потушить уже пятнадцать лет. К сожалению, его внимание замечают другие и, как это обычно бывает, делают неправильные выводы. Среди военных желание посплетничать настолько же сильно, как едкая зависть.

Наконец раздался звон подъема. Помню, когда была новобранцем, этот пронзительный дребезжащий звон каждое утро доводил меня до инфаркта – настолько он громкий! Мне кажется, даже если я умру, этот звон заставит меня восстать из мертвых. Наверное, поэтому теперь я просыпаюсь за

полчаса до его очередной истерики, мой организм сам себя спасает от шока резкого пробуждения. В считанные секунды военный блок базы оживает. У шести тысяч солдат есть тридцать минут, чтобы принять утренний туалет, привести себя в порядок и отправиться на завтрак. Этого времени хватает едва-едва, потому что количество сантехники в казармах критически не хватает. Под одним душем одновременно стоят по восемь, а то и по десять солдат, за стенкой солдаты сидят на унитазах в ряд, напротив – еще одна вереница десятков солдат, оккупировавших ряд из умывальников. Разделения на мужские-женские помещения у нас нет, в условиях жесткого цейтнота солдаты вообще не замечают друг друга.

Я могу наплевать на этот распорядок дня. Я командир, у меня собственная спальня, а значит, я сама себе хозяйин. Я могу вообще весь день кверху булками валяться и листать очередной провокационный комикс анонимного художника, чьи смешные карикатуры на самых ярких жителей базы распространяют подпольным образом. Генерал строго наказывает за подобное самоволие, тем более критикующее действующую власть, но даже мне – стороннице его режима – весело разглядывать очередные бредовые картинки неизвестного автора, бьющие точно в суть. Я даже сама себя там нахожу иногда, когда мы схлестнемся с Фунчозой в очередной перепалке, которая разлетится новостями сначала по всему военному блоку, а потом и за его пределами. Проти-

востояние двух отрядов специального назначения – один из самых ярчайших и горячо любимых скандалов на базе.

Еще есть генетик Маркус Лебовски – пятидесятилетний старик, до жути смахивающий на Иисуса, в котором люди видят надежду на возрождение расы на поверхности. Он постоянно устраивает собрания в исследовательском блоке, на которых говорит о необходимости ломать устоявшуюся систему страха и дать больше свобод ученым для разработок кардинально инновационных проектов по адаптации человеческого генома к новым условиям жизни на поверхности. В комиксе его изображают в виде профессора Франкенштейна, постоянно изобретающего всякие странные зелья для улучшения человеческих качеств, которые могли бы составить конкуренцию зараженным. Например, Поностойка, от которой человечество продирает такая жуткая диарея, что зараженные больше не хотят нами питаться. Помню, я смеялась над этим выпуском до колик.

Фидель Гарро – еще одна яркая звезда Желявы, но уже среди компьютерщиков. Он тоже постоянно собирает вокруг себя толпы народа, призывая их к митингам в защиту проектов по созданию наземных частей базы, которые Генерал ни в какую не хочет пропускать. В комиксах его надо найти на манер старой детской книги «Где Уолли?» среди толп зараженных, заблудившихся в выстроенных Фиделем тетрис-лабиринтах на поверхности. Забавно, но его реально не так-то просто найти!

В общем, как бы мы ни хотели сами выстроить свой имидж, это не в наших силах. Поэтому положительный имидж поддерживать необходимо. Особенно среди солдат. Эти молокососы-новобранцы только и ждут, где бы поотлынивать, пока зоркий глаз комиксы листает. Эти пройдохи умирают на симуляторах на второй минуте, но зато мастерски придумывают способы, как прогулять и остаться ненаказанным. Я уверена, что на Желяве есть потайные ходы, которые за сорок лет разрослись тут, как раковая опухоль, руками прытких ловкачей, желающих обдурить красные глаза Желявы, мигающие на каждом углу в коридорах. Но я до сих пор не нашла тому подтверждение.

В общем, долг заставляет меня поднять избитые кости с постели и пройти в ванную. К счастью, она у меня персональная, и дверь в нее я закрываю.

Мой внешний вид заставляет солдат трепетать, а новобранцев ссать в штаны. Я яркий представитель нынешней жизни эпохи выживания. Если кто-нибудь когда-нибудь спросит: «А какое оно было – то странное время после Вспышки?», просто покажите ему мою фотографию.

Я блондинка с глазами глубоководной бездны. И это, пожалуй, все, что осталось от былой красоты. Восемь лет назад во время атаки зараженных, прорвавшихся на базу по глупому стечению обстоятельств, рядом со мной взорвалась граната. К сожалению, рядом со мной еще стояли четыре канистры с керосином, и я чудом осталась в живых. Я два месяца

пролежала в коме, в которую меня ввели вынужденно из-за обширных ожоговых поражений. А когда я пришла в себя, мой мир изменился. Я помню физическую боль, которую доставляли ежедневные перевязки. Врачи сдирали с меня кожу живьем. Я кричала, ревела, просила убить меня. Но еще больнее было моей душе, которая потеряла в той бойне все.

Шрамы от ожогов покрывают всю левую сторону моего тела от колен до макушки, отчего создается впечатление, что на одну половину тела я двадцатитрехлетняя девушка, а на вторую половину – столетний уродец с кожей, испещренной белыми рубцами и складками. На левой стороне головы из-за уродливых шрамов у меня нет волос. Я делаю пробор набок так, чтобы волосы, постриженные в каре, хотя бы немного скрывали безобразную лысину. Левая сторона лица также обожжена, там нет брови, а глаз слегка деформирован. Осколок гранаты раздробил мне скуловую кость, и теперь под кожей прячется титановая пластина. Благодаря ней, а также моему ангельскому характеру, мне дали прозвище «Стальная Стерва». Козел-Фунчоза сократил его до СС.

После той катастрофы, из-за которой, кстати, мы потеряли один из входов на базу, потому что его пришлось завалить камнями, я пошла новобранцем на военную службу. Здесь же сделала традиционную для Падальщиков татуировку на всю длину здоровой правой руки. Мы делаем их в день отбора в основной отряд, сами создаем эскиз, выражая все, что творится на душе. Цветные чернила покрывают почти

каждый сантиметр кожи: это корабль на бушующих волнах в локте, он бросил якорь на мое запястье, а вдалеке за облаками на плече виднеется огонек маяка.

Мало, кто понимает смысл моей татуировки. И это хорошо. Я не хочу, чтобы люди вокруг слышали мои мысли. Я и так слишком часто иду наперекор всеобщим стереотипам и устоявшимся на базе тенденциям. Бриджит говорит, что я хожу по лезвию со своим бунтарством, Триггер же лишь отмалчивается и делает выговоры, хотя уже семь раз меня можно было под трибунал отправить. Но чувствую остатки моего женского сердца, что неспроста он меня командиром назначил. Возможно, он рассчитывает на то, что однажды я стану предателем, который напишет новую историю для Объекта 505.

7 декабря 2071 года. 08:15

Калёб

Дверь в комнату Тессы, как всегда, открыта. Меня не перестает привлекать ее стремление быть искренней и честной со всеми вне зависимости от ранга и положения на социальной лестнице. Это нелегко. Иногда складываются ситуации, где для смягчения последствий хочется недосказать, приуменьшить, а то и вовсе солгать. Но все это не про Тессу. Она уже четыре года командир отряда, дольше, чем кто-либо. Разве что Тормунд-Фунчоза – ее антипод – был назначен командиром в одно и то же с ней время, словно спущенная с цепи со-

бака, которая бежит за тобой и кусает за пятки, не позволяя остановиться. Иногда мне кажется, что Триггер сделал это специально, потому что в гонке за лидерство Тесса раскрылась и завоевала видный авторитет среди Падальщиков своим бесстрашием, справедливостью и раздражающим упрямством. Благодаря ее качествам у нее завелся круг скрытных почитателей, про которых она ничего не знает, потому что слишком занята глобальными проблемами и чересчур простодушна, чтобы потакать своему тщеславию. Тесса не думает ни о чем, кроме борьбы с заразой, что отняла у нас поверхность. А люди не перестают искать в толпе новых ярких лидеров, которые могли бы повести людей в новое счастливое будущее. После прочтения очередного выпуска комикса Тесса смеется над глупыми шутками, но в то же время восхищается смелостью его героев, живущих на этой базе, за то, что они не потеряли амбициозные мечты вернуться на поверхность и продолжают подталкивать народ к переменам, к борьбе за лучшую жизнь. А сама не замечает, что появляется среди этого нарисованного абсурда с долей правды не реже Франкенштейна с имбицилом в красно-белой шапке.

Я стою в маленькой личной комнате командира. Возле стены узкая койка, железный письменный стол напротив, на настенной штанге висят четыре сменных форменных комплекта. Вот и вся ее спальня. Тесса – очень закрытый человек, она не выставляет напоказ свои внутренние переживания. Ее татуировка с изображением корабля на якоре в

штурм скорее исключение из правил. Но даже здесь она завуалировала посыл настолько, что мало кто понимал смысл этого красочного рисунка.

Я понимаю.

Бриджит понимает.

Бриджит – второй сержант Тессы. Мускулистая девушка с густой копной выющихся каштановых волос, заплетенных в толстую косу до пояса. Она сбривает волосы по бокам, чтобы уменьшить объем косы, но даже так ее можно использовать в качестве цепи для металлического ядра у крана.

Я, Бриджит и Тесса очень близки. Мы знаем друг друга давно. Особенно я и Тесса.

Я познакомился с ней, когда меня эвакуировали с тонущего в Средиземном море корабля, который служил мне домом первые семь лет жизни. Прибрежная база Порто-Палермо в Албании тогда эвакуировала нас и приютила на первые пару дней, пока мы отходили от шока и восстанавливали силы перед неизбежным долгим переходом дистанции в одну тысячу четыреста километров до Желявы. Мы не могли остаться в Порто-Палермо – база не рассчитана на такое количество людей, а на тот момент связь между Объектом 505 уже была установлена благодаря первым отрядам Падальщиков, которые и встретили нас на полпути до нового дома. Помню, как увидел этих солдат в толстом высокотехнологичном обмундировании со шлемами и длинными винтовками, прибывшими нам на подмогу на огромных БМП, которые мы

зовем Аяксами. Военные так ярко контрастировали своей силой духа на фоне изнемогающей толпы людей, переживших потопление судна и одолевших пешком порядка шестисот километров. А грозные бронированные Аяксы посреди вымирающего мира внушали веру в силу человеческой расы, которая еще способна сражаться. Падальщики предстали передо мной ангелами. Уверенные, непоколебимые духом и бесстрашные. В тот момент я понял, кем стану.

Мои родители пропали без вести во время потопления, а меня вместе с остальными четырьмястами людьми привезли сюда. Первую руку помощи, которую я здесь получил, была рука Тесс. Она протягивала мне ковш с водой. Я даже не поблагодарил ее тогда – настолько сильно мучила жажда. Мы пробыли в пути до базы почти неделю, и за все то время я получил пару протеиновых брикетов и стакан воды. Я помню, что не все дети пережили это путешествие.

Тесса трижды бегала в центр огромного ангара, протискиваясь между толпами людей, к огромному бидону с питьевой водой, чтоб наполнить ковш для меня. Когда жажда начала отступать, я наконец разглядел моего первого друга на Объекте 505. Взглядом я нашел ее в толпе других подростков с базы, которые вызвались волонтерами, чтобы помочь новоприбывшим. Ее старший брат раздавал им указания, и ребята заботливо крутились вокруг изможденных детей: поили их, кормили, обрабатывали раны и просто гладили по спине, утешая. Томас – так звали ее брата – что-то дал ей, и она вер-

нулась ко мне. В руках у нее был шприц, антисептик и бинт. Она опустилась передо мной на колени и стала осматривать ноющую рваную рану, которую я заметил, только лишь когда она прикоснулась к ней. Когда резкая боль пронзила воспаленную икру, я дернул ногой и ненароком пнул Тессу в грудь, отчего она упала на пол. Когда я рассыпался в извинениях, она лишь мило улыбнулась и снова принялась обрабатывать повреждение.

– Я поставлю тебе укол от столбняка и продезинфицирую. Как ты получил такую большую рану? – спросила она.

– Не помню...

Я и сейчас не помню, как получил этот длинный шрам вдоль икроножной мышцы. Кажется, во время эвакуации с корабля я разорвал ногу о торчащий кусок обшивки. В любом случае, там была такая суматоха, что я даже не обратил внимание. Инстинкт самосохранения делает тебя неуязвимым, это я прочувствовал в полной мере, когда много позже впервые в роли Падальщика столкнулся с зараженным.

– Ты очень выносливый. Тебе самое место среди отрядов специального назначения, – вынесла она тогда приговор всей моей жизни.

– А ты будешь доктором? – спросил я натянуто, пытаюсь побороть невыносимое жжение от антисептика.

– Ученым-вирусологом, как мама! – гордо объявила она. – Как тебя зовут?

– Калёб.

– А я – Тесса. Добро пожаловать на Желяву.

Она быстро управилась с бинтом, и я понял, что ей не впервой. Уже на тот момент они с братом были сиротами. Ей было восемь, Томасу шестнадцать. Их родители пропали без вести во время одной из вылазок наружу, когда ученым еще предоставлялся доступ на поверхность под защитой Падальщиков. Сегодня все изменилось. В наши времена мы быстро вырастем.

Тесса и Томас пошли по их стопам: Тесса готовилась к поступлению на курс общей научной подготовки в исследовательском блоке, Томас уже заканчивал программу подготовки в инженерном блоке. На фоне свежей памяти о потере родителей мы быстро нашли общий язык. Как только я поправился, я выбрал военную службу. Мы трое целыми днями находились в разных концах базы, но по вечерам непременно встречались в общей зоне отдыха, которая находится ровно на перекрестке четырех блоков, и проводили время вместе. Это было чудесное время подземного мрака, когда из-за перебоев с электричеством блоки освещались по очереди. Я любил те часы темноты, потому что мы втроем, не видя друг друга, но держась за руки, делились самыми сокровенными мыслями. Мы стали близки – три сироты посреди жестокого дремучего кровавого мира.

А потом, когда мне исполнилось шестнадцать, а Тессе – пятнадцать, случился прорыв. Зараженные атаковали базу из-за недосмотра диспетчеров на воротах. Я пытался выве-

сти Тессу из хаоса и укрыться в безопасном отсеке. Но случилось то, что случилось. Во время перестрелки в хозяйственных отсеках какой-то солдат кинул гранату, которая приземлилась аккурат возле канистр с керосином. Дальше я не помню.

Я пришел в себя через две недели без левой руки и с титановыми пластинами вместо шести сломанных ребер. К тому моменту, как Тесса очнулась, мне уже изготовили протез. Теперь моя левая рука всего лишь наполовину человеческая. От локтя до кончиков пальцев – я робот. Если кто-нибудь когда-нибудь спросит: «А какое оно было – то странное время после Вспышки?», просто покажите ему мою фотографию.

Мне пришлось переучиваться все делать правой рукой, так как я был левшой. Потому что механическая рука не имеет мышечных рефлексов. Она двигается только при помощи мозговых сигналов, которые я ей шлю, а это занимает драгоценные доли секунд. Все равно, что постоянно висящий компьютер, который долго реагирует на нажатие мышки. Не очень-то надежный помощник для солдата, который должен нажать курок в ту же секунду, как осознал необходимость открыть огонь. Но я был решительно настроен войти в основной состав отрядов специального назначения, и даже отсутствие руки не остановило мое стремление. Вскоре я стал первым принятым в Падальщики солдатом с протезом.

Каждое утро я сидел под дверями палаты и слышал рыдающие вопли Тессы, когда ей делали перевязки. Ее душераз-

дирающие вопли «Нет, пожалуйста, не надо! Остановитесь! Хватит! Я не хочу! Лучше убейте!» до сих преследуют меня кошмарах, от которых проступают слезы на глазах. Ее больше не могли держать в коме, это было опасно для мозга, а обезболивающее на базе всегда в дефиците. Она прошла через страшные муки, и не было никого, кто мог бы утешить ее, кроме меня. Но, к сожалению, оказалось, что я тоже больше не мог ей помочь. После процедуры я выжидал еще полчаса, чтобы она пришла в себя, а потом заходил. Но прежняя Тесса исчезла.

Она могла стерпеть адскую боль, могла стерпеть свои уродства, но она не могла смириться с потерей брата.

Томас погиб во время атаки. И с тех пор изменилось все.

Тессу выписали через полгода, но это уже была не моя Тесса. Она закрылась в своем горе, отстранилась от людей, от меня и надолго замолчала. Мне казалось, я навсегда потерял ее. Но потом она пришла в наш блок и записалась в новобранцы. Каково же было мое удивление увидеть ее в солдатской униформе в соседней шеренге!

На Желяве редко бывали такие резкие перемены в выбранной стезе. Обычно, когда подросток заканчивал общую подготовку: научную, инженерную, аграрную или военную – он поступал на работу в соответствующий блок. Исключения были очень редкими, и Тесса стала одним из них.

И самым ярким из них.

Ей дали три месяца на то, чтобы она сдала общие физи-

ческие нормативы. Помню, как остервенело она насиловала тренажеры и кидалась гирями, нарезала круги в спортзале и колотила грушу до изнеможения. А ведь боли от ожогов по-прежнему мучили ее. Заново выросшая кожа не такая эластичная и нежная, как прежняя, а потому каждое движение, каждое натяжение отдает дрожью по нервным окончаниям. Но Тесса пробивала дорогу сквозь боль. Уже тогда солдаты сторонились ее, между собой называя Терминатором, невидимый круг поклонников ее стремления начал формироваться. Я же едва узнавал ее. Казалось, боль лишь заряжала ее силу воли. Тогда я понял, что мало знал Тессу, по крайней мере, именно эту ее сторону – разъяренную Тессу. Нравилась ли она мне? Да. Нравилась ли больше, чем прежняя Тесса? Нет. Спустя восемь лет мое негодование растворилось, оставив после себя едва слышимое эхо легкого возмущения, и теперь я воспринимаю Тессу такой, какая она есть в данный момент.

Ее ярость быстро распознал Триггер. Он-то и помог раскрыть ее лидерский талант. После успешной сдачи нормативов Полковники собрались, чтобы обсудить, кто готов дать шанс столь неординарной и чудаковатой личности. Триггер тогда чуть было не застолбил ее, как в детской игре «Я – первый!». А потом взялся за муштрование нового командира.

Теперь мы жили в одном блоке для новобранцев Падальщиков, ели за одним столом, участвовали в симуляторных боях, соперничали в спортивных состязаниях. И пусть даже

она едва ли подавала мне дружеские знаки, а больше делала вид, что мы просто знакомы, я все же был рад, что она не потеряла себя в безднах боли. Теперь она всегда была рядом, но в то же время далека от меня.

Тесса вышла из ванной комнаты, замотанная в полотенце.

– Привет, – говорю я.

Она окинула меня мимолетным взглядом и кивнула. А потом скинула полотенце.

Я отвернулся. Она знает, что я всегда отвернусь.

– Полковник уже назначил время? – спросила Тесса, шурша жестким кителем.

– Да. Сбор ровно в десять.

В военном блоке нет парт. Нет даже аудиторий. Тут не место долгим теориям, а вся наша деятельность сосредоточена вокруг опыта, потому что только он помогает в противостояниях с зараженными. А потому каждый понедельник Полковник Триггер задает тон всей неделе, собирая командиров в своем штабе и задавая тему для преподавания рядовым, которую мы им впоследствии вдалбливаем во время тренировок. Тренировки проходят не бездумно, мы обучаем солдат стратегиям и тактикам боя, извлекаем опыт из ошибок прошлого и клянемся быть мудрее, чем наши предки. Потому что только так мы сможем выжить.

– Проверь Лео после завтрака, нельзя, чтобы он опускал руки, – говорит Тесса и затягивает шнурки на армейских ботинках с высоким голенищем.

– Да, разумеется, – отвечаю я.

Вот об этом я и говорю: Тесса может быть Стальной Стервой, но она всегда заботится о подопечных.

Лео вчера хорошенько потрепали на ринге, и сейчас он лежит в казарме с переломанными пальцами на руке. Это не что-то из ряда вон выходящее, а рутинная ежедневность в военном блоке. Просто Лео – новичок. Он и года здесь не прослужил, а потому еще мало закален, и такие мелкие провалы могут сильно бить по самоуверенности солдата. Во время тренировок главное – не переусердствовать. В этом заключалось мастерство учителя – заставлять ученика ходить по грани, но не дать ему сорваться. Так он вырастет в сильного бойца.

Я с Бриджит – сержанты командира. Фактически мы управляем всем нашим отрядом из пятидесяти бойцов. Десять солдат – основной состав, как в спортивной игре. Мы выходим на поле и играем с мячом, то есть выходим на поверхность и ведем игру со смертью. Остальные сорок солдат – запасные участники. За всю игру они могут так и не выйти на поле, но Тесса старается каждого вывести на поверхность, потому что она знает, что для того они и стали Падальщиками – вдохнуть полной грудью поднебесным воздухом, чтобы оценить то сокровище, что мы потеряли, и заразиться энтузиазмом и надеждой отвоевать Родину обратно.

Облачившись в черный командирский китель с ярким металлическим значком Падальщиков на груди в виде египет-

ского креста Анх, который несет смысл жизни, как и сами отряды специального назначения, Тесса выходит из комнаты, и мы направляемся в столовую. Таков стандартный распорядок каждого дня: я или же Бриджит встречаем ее в спальне и начинаем наш очередной день на подземной базе.

7 декабря 2071 года. 08:30

Бриджит.

– Артур! Я тебя кастрирую, если ты не перестанешь бросаться едой!

– Да он первый начал!

– А я закончу с твоей мошонкой в моем кулаке!

В столовой новобранцы успокаиваются, но я знаю, что ненадолго. Уф! Иногда я чувствую себя нянькой в детском саду! Когда Тесса назначила меня сержантом три года назад, я была на седьмом небе от счастья. Но никто не говорил мне, что одна из обязанностей сержанта – подтирать жопу новобранцам и кормить их с ложки. Но так у нас устроена военная система на базе.

В условиях фактического вымирания отпала нужда в многоуровневой классификации воинских званий. Рядовой – сержант – командир – майор – полковник – генерал: вот и весь наш военный набор.

У нас есть Генерал – это домоуправитель всей базы. У него есть имя, что-то типа Исайя или Моисей, а может Бернадетта, не знаю точно. Все его зовут просто Генерал. Его про-

шное – загадка, его биография – набор сказаний и народных песнопений, как о Гильгамеше. Но нам и не надо знать о его жизни до Вспышки, это ни к чему, потому что прежний мировой порядок сгинул в адской пучине. К чему теперь накопленный багаж регалий?

Генералу подчиняются три Полковника. Полковник Крайслер (что-то мне подсказывает, что это тоже ненастоящее имя) руководит отрядами внутренней безопасности. Это – куча ребят, бродящих вездесущими парочками вдоль длинных железобетонных туннелей базы, в зеленой униформе со значком щита на груди, которые поддерживают порядок на базе. Опасные ребята. У них нет оружия, кроме дубинок, а потому они – профессионалы в рукопашных боях. Если выпустить на ринг Падальщика и Голема (так мы зовем их в простонародье), то последние вырубят противника за четыре секунды. Поэтому лучше с ними не ругаться, когда у тебя в руках нет винтовки, а между вами меньше десяти метров.

Полковник Трухина отвечает за пограничную зону – это территория вокруг базы радиусом три с половиной километра от входных ворот. Она напичкана минами, турелями и видеокамерами и находится под неусыпным контролем солдат, которым мы тоже дали прозвище – Назгулы. Этим ребятам в синей униформе со значком глаза на груди дают поблажки в физкультурных нормативах, но предъявляют строгие требования к способности внимательно наблюдать сразу за целой

группой мониторов, получающих сигнал с тысячи видеокамер наблюдения, а также управлять турелями.

Как-то я попробовала пройти их ежегодный тест на профессиональную лабильность ради шутки, пытаясь доказать, что они слабаки, и с громким треском провалила его. А тест выглядит следующим образом.

Назгул садится перед монитором, сзади стоит майор и зачитывает задания.

– Назовите цвет букв появившегося слова.

«Зеленый» написано на экране красными буквами, потом «желтый» написан зелеными буквами, «черный» – красными буквами, через десять секунд скорость появления слов на экране возрастает.

Через тридцать секунд в правом верхнем углу экрана появляется уравнение «четыре умножить на шесть».

– Наберите на клавиатуре ответ уравнения, – говорит майор.

Ты нервно ищешь кнопки два и четыре, а слова на экране продолжают сменять друг друга, и ты продолжаешь озвучивать цвета.

Дальше в левом экране появляется геометрическая фигура, типа треугольника, майор говорит:

– Если сегодняшняя дата – четное число, то щелкните мышкой правую равнобедренную сторону треугольника.

А слова продолжают мигать, уравнения в правом углу усложняются до трех переменных, в левом нижнем углу по-

является видеозапись солдата, отбивающего мяч об пол.

– Наберите на левой клавиатуре количество очков.

Лихорадочно определяешь, где левая сторона, и нажимаешь клавиши.

– Если сегодня не февраль, щелкните на меньшей диагонали ромба.

– Теперь просто читайте слова.

– Оранжевый, зеленый! – судорожно жмешь цифры семь-один-ноль, решив уравнение деления и вычитания.

– Сколько пасов сделали солдаты? – они уже в баскетбол играют!

– Если вторая буква Вашего имени не «А», щелкните на угол противоположный острому углу трапеции.

– Теперь снова называйте цвета слов.

– Пурпурный, болотный, непонятный!

– Сколько очков команда зеленых уже проиграла команде красных?

– Тринадцать! Нет! Четырнадцать, – уже в конвульсиях бьешь по клавишам один-четыре-четыре (квадрат двенадцати).

Всего через две минуты теста спина потеет насквозь, ноги сводит судорогой, а мозги кипят так, что ты вот-вот в штаны наложишь от усердий одновременно сосчитать очки, определить геометрическую фигуру, сделать вычисления уравнения, назвать цвет букв, а скорость задач увеличивается, и ты уже даже экзаменатора не слышишь.

Когда экран тухнет, майор задает последний вопрос:
– Сколько гусей пролетело на заднем плане задач?
– Там были гуси?! – выкрикнула я, задыхаясь.
И получила «негоден».

В обязанности Полковника Триггера входит руководство нами – пятью бравыми отрядами специального назначения, которые совершают вылазки наружу. В каждом отряде десять действующих бойцов, еще десять – резерв, из которого достают по одному, а то и по два, когда кто-нибудь не возвращается. И остальные тридцать – новобранцы, которые закончили общую армейскую подготовку и были направлены к нам. Вот их я ненавижу больше всего. Хотя сама таковой была пять лет назад. Но уж извините! Я была не настолько тупой и наглой!

Генерал, Полковники и Протокол – вот три кита нашего мира под землей. Протокол – библия или руководство по выживанию, называйте, как хотите. Это талмуд в тысячу страниц, где расписано каждое движение, каждый вдох и каждое моргание глаз. Генерал в буквальном смысле руководит каждым движением наших мускул, постоянно напоминая о том, что все страницы Протокола написаны кровью. Мы обязаны следовать его пунктам, а нарушение его положений карается трибуналом и тюрьмой. Самые кричащие преступления караются смертной казнью, потому что в условиях выживания ты либо в одной с нами лодке, либо за бортом, а утопленников мы кормить не собираемся.

Но, к счастью, Генерал еще не научился контролировать мысли, а потому его диктаторство, разумеется, приводит к мятежным волнам, рассекающим посреди населения, которое с каждым годом все больше задыхается в этой консервной банке под землей. Честно говоря, я до сих пор не решила, чью сторону выберу, если случится гражданский всполох. Генерал уже тридцать лет наши жизни спасает, Вспышка случилась на его глазах, он больше всех понимает, кто такие зараженные и на что они способны. А потому Генерала поддерживает та половина населения, что застала основание базы посреди дремучих и кровавых времен, о которых мы можем узнать только из рассказов и видеофильмов из Хроник.

Но, как обычно это бывает, молодежь всех бесит своим вечным желанием идти наперекор устоявшимся нормам. В этом нет ничего плохого, прогресс приходит с юными мозгами, которым уже недостает того, что они имеют с детства. Ученик должен превосходить своего учителя, а потому мировоззрение Генерала все больше считается устаревшим. Основное требование второй половины жителей – уход от диктаторства и создание Совета, в котором были бы представлены интересы каждого блока: военного, исследовательского, инженерного и аграрного.

Вот только люди до сих пор не забыли тот период, когда база строилась силами аналогичного Совета, члены которого не могли сойтись во мнении, натягивая одеяло каждый на

себя. И в итоге, решения, которые должны были принимать-ся быстро, тянулись вместе с этим одеялом, а люди продолжали гибнуть.

Идея Совета сегодня как хрупкий мел, которому еще только предстоит окрепнуть до ракушки, чтобы люди увидели в ней безопасность.

Я ни разу не встречала бунтарей, таких прямо, знаете, ярых оппозиционеров. Может, они все еще боятся Генерала, а может, он просто во время давит их. Но слухи бродят по туннелям, а смешные комиксы анонимного автора пропагандируют надежду на лучшую жизнь снаружи, в которую сегодня так хочется верить и в которую не верит Генерал.

Вдруг все солдаты вскакивают со скамеек и оборачиваются. Хороший знак!

Тесса шла между рядов с Калесом чуть позади нее.

– Здравия желаю, Командир! – раздается гулкий хор.

Тесса, как всегда, положительно влияет на дисциплину. Все сразу затыкаются. Я бы тоже хотела иметь такие уродливые шрамы, они наводят страх на солдафонов. Они думают, раз ей удалось пережить настолько сильную боль, то она наверняка стала психопаткой, а с такими лучше не шутить! Но даже несмотря на страх перед СС, существует негласная рейтинговая таблица отрядов Падальщиков, и каждый новобранец внутренне и искренне надеется попасть именно в Маяк, прямо, как в популярный и вечно ратующий за добро и справедливость Гриффиндор в той книжке про мальчика,

который выжил. Но к сожалению, вместо милой чудо-шляпы, которая учитывает твоё пожелание при распределении, у нас довольно устрашающего вида Полковник с лицом, испещренным шрамами от сшивания лоскутов кожи по всей голове, и на твоё мнение ему хочется только одного – наложить вонючей коричневой массы.

Тесса проходит мимо своего отряда, замечая каждую мелочь.

– Карл, шнурки! Лиза, либо брейся налысо, либо научись делать тугой хвост! Рок, причиндал свой спрячь!

Обожаю наблюдать за тем, как трясущиеся от напряжения солдаты начинают судорожно исправлять замечания.

– У вас есть тридцать минут по утрам, чтобы привести себя в порядок, но вам и этого времени не хватает! Может, мне его увеличить и оставить вас без завтрака? А? Что скажешь, Артур? Будете голодать до обеда?

Тесса приблизилась к парнишке шестнадцати лет – один из самых нахальных новичков.

– Что это? Крошки от батончиков?

Я в экстазе. Сейчас она устроит ему.

– Никак нет, мэм! – Артур старается не трястись, но у него это плохо получается.

– То есть мало того, что ты едой кидался, ты ещё и врешь мне сейчас?

Артур молчит. Капля пота сползает по виску. Я кайфую.

– С сегодняшнего дня работаешь на кухне неделю! Без

права на тренажеры и симуляторы. Вообще не имеешь права выйти из кухни, пока не закончится рабочая смена! Ты понял меня?

Я почти кончаю. Как заставить солдата мучиться? Отобратить у него призвание!

Тесса смотрит на солдата позади Артура. Тот – придурок – выдал себя легкой усмешкой.

– Чего ржешь, Сопля? Ты наказан с ним!

Улыбка тут же исчезает с лица противника Артура. Теперь они собратья по несчастью. Общее наказание всегда сближает врагов, которые вдруг вспоминают, что вселенная не вокруг них вертится, а над ними стоит бог, способный одним своим пальцем раздавить без сожаления. Так я сдружилась с сержантом из Васаби, хотя стараюсь держать это в секрете. Когда перепалка между Тессой и Фунчозой грозит вылиться в рукопашную, мы с Хай Лин незаметно подкрадываемся к рассудку наших командиров и заставляем их приструнить расшалившиеся нервы.

– Проведете в поварском цеху недельку, может, начнете уважать пищу, которую вам, неблагодарным, готовят, – с этими словами Тесса заканчивает утренний обход и идет за наш стол.

Как только командир садится, солдаты возвращаются за столы и наступает тишина, от которой я, да, кончила!

– Привет, Тесс.

– Привет, Жужу, – так ласково меня называют Тесса и Ка-

леб.

Мы принимаемся за завтрак. Конечно, в условиях подземного заточения, еда у нас однообразная. По сути, на подносе лежит один и тот же протеин, просто в разной форме. Первая – форма вязкой каши, а вторая – форма привычных батончиков, которые мы едим всегда и везде. Когда совершаем вылазки наружу, батончики, что мы берем с собой, еще питательнее. Одного такого батончика хватает на два дня. Главное – позаботиться о запасах воды.

Я честно не знаю до конца их рецептуру, кажется, в них содержится искусственный белок, что выращивают в лаборатории, и соевые бобы из оранжереи. Я видела, как повара в цеху (ух, как там горячо!) печатают эти батончики на принтере, а потом пускают на конвейер. И да, не спрашивайте, как я там оказалась. Я тоже не идеальна и тоже была нахальным новобранцем. Падальщики вообще частенько тусят в цеху за проделки, зато там я познакомилась с самым добрым и самым настоящим человеком на базе – главным поваром Горре-Федором. Он мне как брат стал. Большой тугоумный, но добродушный брат.

На обед нам подадут протеин уже в форме сухой каши с котлетой из того же протеина. Ужин будет аналогичным. Честно говоря, я не понимаю, зачем менять форму еды, на вкус то она одинаковая. Но старожилы базы говорят, что, скорее всего это – Генеральская прихоть, обусловленная данью былым временам, когда в развитых странах царило про-

дуктовое раздолье.

В Хрониках я читала о том, что до Вспышки люди производили так много еды, что ее приходилось выбрасывать! Они даже придумывали какие-то стандарты, которые требовали избавляться от продуктов с истекшим сроком годности. Вот только мне до сих пор непонятно, кто и каким образом устанавливал эти сроки. Вот стоит перед тобой лоток с хлебцами, на этикетке написано, что крайний день употребления – сегодня. А что произойдет с хлебцами завтра? За одну долю секунды между двумя сутками на рубеже полночи эти хлебцы превратятся в ядовитые? Что за бред? Когда у нас остаются неизрасходованные протеиновые батончики, мы пускаем их заново в производство, перерабатываем в новый батончик. Неужели и с теми хлебцами нельзя было также поступать? Нет, нельзя было. С магазинных полок их убирали и выбрасывали на городские свалки, а им на смену приходили новые хлебцы, которые завтра могли оказаться там же.

Расточительству людей до Вспышки я не перестаю поражаться. Интенсивное производство еды нагревало атмосферу земли, ледники, под которыми прятался вирус, таяли. Люди знали об этом, но не торопились сами исправлять ситуацию, предпочитая переложить ее на абстрактные плечи властей, которые ответственны за все и вся и обязаны населению всем, раз их избрали. А политиканам и подавно было не до климатических проблем, когда надо было срочно делить мир на части: нефть, газ, территории, людей. Доказать

свое сегодняшнее превосходство было важнее, чем подумать о завтрашнем мире.

Наша жадность и безразличие сгубили нас.

Но больше всего меня поражает, что на одном материке люди выбрасывали продукты, а в это же время на другом – умирали от голода. Наверное, пир во время чумы никогда не прекращался. Получается, что целый мир сгубила маленькая кучка ненасытных эгоистов, чья алчность победила силу рассудка. Сорок процентов от общего выброса парниковых газов приходилось всего на две страны – США и Китай, которые занимали всего лишь тринадцать процентов от общей площади всех стран в мире. Фактически две державы, которые из трусов лезли, лишь бы доказать свою мощь, приложили целую руку к рычагу, запустившему смертоносную бурьную машину в ледниках. А остальные же двести с лишним стран положили вторую руку и нажали на рычаг до конца. Какую руку было легче сбросить? И почему никто этого не сделал? Это я к тому, что ни с одного человека я ответственности за вымирание человечества не снимаю! Кто-то нападал, другой не остановил, третий не вмешался, и в конечном результате мы сидим под землей и жрем синтетическую протеиновую дрянь вместо натуральной пищи, выращенной под солнцем.

Только когда мы лишились всего, мы поняли, как много имели.

Многие идут в отряды специального назначения, пото-

му что хотят попробовать жизнь снаружи. Не вспомнить, а именно попробовать. Людей, что застали жизнь на поверхности, все меньше, а их потомки, замороженные рассказами о чудесах прежней жизни, рвутся в запретные земли ради экзотики. Люди, что ни разу не были снаружи, считают нас счастливыми, потому что мы единственные, кто может пользоваться благами природы под открытым небом. И это, отчасти, правда. Если не брать во внимание риск оказаться убитым, то да, мы счастливые. Ну а когда за рай не надо было платить?

Там наверху куча зелени! Мне она часто снится, будто я какой-нибудь Леший, живу в дупле и скачу на диких кабанах. Оказалось, что не мне одной подобные сны снятся. Как будто наша человеческая природа, которую мы не осознаем, скучает по миру под солнцем, в котором зародилась.

Каждую вылазку мы стараемся привезти побольше диких овощей, фруктов и маленьких ягодок. Правда, иногда случаются промахи, когда приносишь ядовитую горсть волчьих ягод, и весь отряд потом лежит в койках с жутчайшей диареей. В казармах унитазов всего десять на полсотни человек, так что представляете, какой поносный ад развернулся? Но иногда нам везет, и тогда мы угощаем дарами солнца всех, кому хватит. Чтобы найти все это богатство, надо пройти не больше пяти километров от базы на северо-запад. Там посреди огромных бирюзовых озер есть заброшенная деревня, в садах которой мы и находим бесконечные сокровища. А

недавно Рафаэлка провалился в подпол одного из домов, и там мы обнаружили целые залежи консервированных вкусов. Я никогда не думала, что уксус может быть таким вкусным. Мы из уксуса бомбы делаем. Это я вам, как специалист-пиротехник, говорю.

Иногда наш главный повар базы Горе-Федор показывает нам картинки каких-то корнеплодов или растений, которые ему нужны для приготовления особого блюда. Что же вы думаете, повара там эту протеиновую гадость жрут? Повара и Падальщики – один из прочнейших союзов на базе. Мы им ингредиенты – они нам вкусную еду. Так было заведено с самого начала.

Вот и получается, что в Падальщики идут авантюристы и искатели лучшей жизни. И риск быть убитым стоит всех этих сокровищ, стоит мимолетного взгляда на красоты земли, что мы потеряли.

С Калобом и Тессой я познакомилась во время начальной подготовки, мы трое – одноклассники. Я потеряла обоих приемных родителей в день прорыва базы, Тесса – брата, Калоб уже давно потерял всех своих родственников, и в день прорыва установил новый уровень потерь, начав со своих конечностей.

Потери сплотили нас. Потери сплотили пятнадцать тысяч людей, отчаянно вцепившихся в последний шанс выжить. Больше никто не хочет делить территории, некому добывать нефть, некуда переселяться. Только потеряв все, мы

вспомнили о существовании основополагающего закона всякой жизни на земле – равновесие. И теперь отчаянно пытаемся его восстановить. Потери, наконец, вернули нам долгожданное пробуждение ото сна про интенсивное нерациональное производство.

Честно говоря, бионическая рука Калеба меня чертовски возбуждает. Приятный бонус от инженеров-биотехников: его пальцы могут удлиняться почти вдвое, не спрашивайте меня, зачем они наделили его такой способностью, но мы пользуемся ею без стыда и совести. Мы начали встречаться, когда попали в отрядный резерв. Тогда же сделали свои татуировки, которые характеризовали нас до самых доньев наших душ.

Обе мои руки украшают часы на цепочках. Я специалист по взрывной технике. Я могу смастерить бомбу из обычной лампочки и сахара. Хотела бы я, чтобы мне дали прозвище Секундомер, но я была не так красноречива в те времена, как Фунчоза, а клички вам дают здесь в самом начале вашей службы и на всю жизнь, и исправить вы это не в силах. Так я стала Жижой. Ублюдок Тормунд!

В общем, всего на моих руках двадцать три пары часов – по количеству прожитых лет. Каждый День рождения я набиваю по одной паре. Для меня это – праздник.

Калев же на оставшейся руке набил себе настоящий шедевр. И он меня тоже возбуждает. Это изображение механической руки, покрытой лоскутами кожи, с кучей шестеренок,

болтов, винтов и пружин, а на левой груди изображен металлический скелет, за титановыми ребрами которого виднеется красное сердце. Человеческое. Калёб – мой Железный Дровосек.

За соседним рядом столов началась аналогичная суэта. солдаты повыскакивали с мест: Фунчоза прибыл на завтрак. Как всегда с опозданием. Любитель манги, этот высокий парень с блондинистой копной кудрявых волос на голове, похожих на стеклянную вермишель, которую мы нашли как-то в одной из деревень, из-за чего он и стал Фунчозой, вечный задира и просто заноза в заднице. Он ведь даже не китаец, он вообще не азиат! Он самый настоящий ариец! Но это не помешало ему сделать себе на лбу яркую черную татуировку в виде китайских иероглифов, которые он выбрал наобум. Уж не знаю, какое страшное слово он хотел там написать, может, «дракон» или «самурай», но его подружка и сержант в одном флаконе Хай Лин так и не призналась ему, что у него на лбу написано «кондиционер». Она мне это по секрету сказала, когда мы вместе у Горе-Федора лечили свои души его спиртовой настойкой.

Изгиб каждой брови проколот, туда вставлено кольцо, а фирменная татуировка на руке у Фунчозы изображает какого-то пухлого несуразного фантастического животного из манги. Какой-то там завр, что ли. Он может говорить о нем часами, но никто все равно ничего не поймет.

На базе запрещено содержание животных, но у Фунчозы

есть питомец. А теперь догадайтесь, откуда и в какой форме. Этот конченный фанат японского искусства отыскал как-то в городе во время одной из вылазок древнюю игрушку в виде желтого яйца. Тамагочи. Теперь Фунчоза везде носит с собой Акиру, которая каждый месяц перерождается то в цыпленка, то в гориллу, а Фунчоза каждую кончину ревет, как ненормальный, и каждое рождение празднует всем отрядом, заставляя солдат петь песни во славу господ бога. Двадцать три года имбицилу. Помню, когда он только изучал Тамагочи, эта хрень сдохла от голода ночью, потому что ночью ее, оказывается, тоже надо кормить. Фунчоза тогда даже траур целых пять часов держал. С тех пор он не стесняется пользоваться своим положением и каждую ночь назначает ответственных из числа новобранцев за ночную кормежку своей Акиры, которая жрет, как бегемот, каждые четыре часа. Пиксельный бегемот. Бегемот, который даже ненастоящий.

В общем, Фунчоза – наш местных псих. Но странным образом у него тоже имеются поклонники, иначе бы анонимный карикатурист, что рисует пропагандистские комиксы, не изображал бы воюющих друг с другом Стальную Стерву с Фунчозой, популяризуя противостояние между двумя самыми яркими отрядами Падальщиков. Тесса в сексистском комиксе предстает в образе бесстрашной амазонки с большими грудями, борющейся со злым гением яйцеголовой расы из параллельного мира. Даже в комиксах Тесса борется за

добро.

Я там, кстати, тоже появилась один раз. В образе зеленой прозрачной жижи с гранатой вместо мозгов. Не спрашивайте меня, я не знаю, что художник хотел этим сказать.

Садясь за стол, Фунчоза подмигнул мне и послал воздушный поцелуй. А потом недвусмысленно задвигал пальцем в кольцо из указательного и большого пальцев. Я закатила глаза. Как же я ненавижу эту мразь!

7 декабря 2071 года. 08:45

Тормунд.

Я вам вот, что скажу: жизнь на подземной базе – полный отстой. Жизнь во вне базы – вообще невозможна. А жить на базе, которую окружают толпы зомби – отстойнейший отстой!

Мы пытаемся здесь выжить сообща, но в хищных глазах людей я вижу, что каждый сам за себя. Это в мирное время они тут все – рыцари, преисполненные благородством и отвагой. А взять в пример прорыв базы восемь лет назад, то все начинаем тупо в пол смотреть или просто заканчиваем неудобный разговор. Потому что в тот день детей топтали, женщин швыряли по сторонам, стариков бросали позади себя. Хотите, называйте меня сексистом, но если подсчитать количество выживших после той кровавой бани, то удивительным образом на первом месте окажутся сильные в зрелых годах мужики. Среди погибших: женщин – шестьдесят

процентов, детей — пятнадцать. Трусливые сволочи закрылись в отсеках и складах, оставляя слабых за стальными дверьми на съедение зомби. Мою мать так бросили на моих глазах. Я до сих пор слышу ее захлебывающиеся в крови крики ужасы и мольбы о помощи за толстым слоем металла. Никто не помог. Никто не защищал бедных женщин и визжащих малышей, когда им разгрызали глотки. Меня бы тоже оставили в коридорах, где царил кровавый пир, если бы не Хай Лин, которая обратила внимание своего сумасшедшего отца на рыдающего меня, беспомощно колотящего в запертую дверь, за которой умирала моя мать. Мы с Хай Лин никому не рассказываем об этом. Я не хочу, чтобы люди знали, что у меня ранимая душа, здесь люди этим пользуются, как орудием достижения собственных целей.

Я не хочу быть одним из них. Не хочу быть эгоистичным чудовищем, затыкающим уши, лишь бы не слышать агонические вопли умирающих женщин и детей, твердя самому себе, что необходимо пожертвовать меньшинством ради выживания большинства. Я избрал для себя путь бунтаря. И путь этот я буду прокладывать по головам бездушных ублюдков, из-за которых погибла моя мать.

Короче говоря, нет здесь ни друзей, ни товарищей. В условиях выживания мы все становимся голодными каннибалами, готовыми накинуться друг на друга лишь бы набить свои животы и продержаться еще хоть чуть-чуть на этой проклятой земле. А смысл? Ждем спасения? Но откуда? От сосед-

ней гуманоидной расы пришельцев? Или от склизкого чувака в трико с Криптона? Нас никто не спасет, кроме нас самих! Чего же мы ждем? А ничего. Тупо живем изо дня в день, делая вид, что занимаемся значимой деятельностью, стараясь не обращать внимание на все то дерьмо, что происходит в этом сумасшедшем раю.

Когда ты будешь умирать, тебя выбросят из жизни, как изношенные до дыр трусы. Если ты не можешь принести пользу, тебе тут не место. Времена, когда нам было дело до стариков, детей и инвалидов прошли. Наступила вечеринка смерти!

Всем немощным у нас до минимума урезан продовольственный рацион, им не выдают новую одежду и экономят на лекарствах. Помню одного старика в медблоке с сильными болями в пояснице, но диклофенак у нас, как чистый воздух в бочке с пердежом. В итоге, старик, который еще мог работать электриком, был вынужден слечь. А через три месяца из-за пролежней у него начался абсцесс, но антибиотиков у нас, как слизи у бабуся в климаксе. В общем, старика лечили перевязками. Разумеется, через три недели постоянной температуры он умер. Вот примерно такой конец ждет нас всех. Была бы воля Генерала единственной решающей на базе, он бы с легкостью избавлялся от людей, чей КПД стал уменьшаться. И вот в такие моменты знаете, на кого мы похожи? На коров, которых наши предки выращивали на молочных фермах. Бедных животных насильно опло-

дотворяли, а едва рожденных телят забирали на скотобойни, чтобы они не пили материнское молоко, которое продадут человеку. Этот процесс насилия над бедными коровами продолжался четыре года, за которые их выдаивали до истощения, а когда их удои уменьшались, бедняг отправляли на бойню, где их резали на дешевое мясо. Незавидная жизнь, не правда ли? Провести свою короткую жизнь в тесном стойле, где тебя насилуют каждые девять месяцев, чтобы потом тебя прикончили, перерезав глотку, потому что ты больше не нужна. И чувствует моя жопа, что участь бедных коров преследует нас, как гребанная карма, про которую без усталости твердит Буддист – командир отряда Бодхи. Как же он задрал своими проповедями о воздаянии человечеству за все его грехи! От нравоучений Буддиста становится так тоскливо и стыдно, что кажется, будто нам всем и впрямь место только в аду за подобные извращенные согрешения предков.

Прокляты мы, что тут добавить. Вообще, тема интенсивного животноводства у нас обязательный пункт образовательной программы, единственная цель которой – вдолбить в наши вымирающие мозги важность соблюдения равновесия между деятельностью и хрупкостью планеты. Пятьдесят один процент парниковых газов приходился на индустрию животноводства. То есть, убивая животных ради потребления их в пищу, мы сами вырыли себе могилу, куда этих же животных и закапывали целыми миллиардами. А потом вылезла вот такая шутка природы, типа зомби-вируса, и мы

всего за год превратились в чудовищ и начали пожирать сами себя. Природа, вообще, стерва ироничная.

Но если бы она только вирусом нас добивала!

Здоровое население базы в последние годы стремительно уменьшается в соотношении с возрастающим количеством пенсионеров, потому что рождаемость у нас отвратительная. Хотя вверх тормашками трахайся, все равно шансы заделать ребенка низкие. Словно наши головастики подымают на полпути к этому гребанному животворящему яйцу. Получается, что даже здесь, спасшись от заразы, мы медленно вымираем.

А этот факт делает все наши попытки выжить жалкими и бесполезными. Так почему бы не рискнуть и не дать шанс тем сумасшедшим проектам, которые придумали наши мозговитые ученые? Хуже все равно не будет! Терять-то уже нечего!

Жизнь наша коротка. Особенно в отрядах специального назначения.

Мой отряд самый крутой! Что бы там ни говорила эта Тесса «Стальная Стерва». Это, кстати, я ей кличку дал, когда она попала к нам. Уж не знаю, каким образом ей удалось пробиться так высоко за такой короткий срок. Она ведь пришла в военный блок гораздо позже каждого из нас! Но силы воли у нее не занимать – это я готов признать. Но не более!

Полковник что-то говорит про ее необъяснимое чутье. Есть такие люди, у которых мозгов не хватает, чтобы обрисовать собственные мысли в слова. Вот это она. Чокнутая

Тесса. Сколько раз такое было: мы делаем разметку территории, а эта психопатка всем наперекор идет, мол, делать надо, как я говорю, идти надо туда, куда указывает мой сучный палец, дышать надо так, как вздымается моя бессисечная грудь! Черт, я ее так ненавижу, что даже спать не могу! И я бы ее уничтожил, если бы она не оказывалась права столько раз.

Столько раз!

Столько, мать их, раз, что ее повысили до командира!

Хренова подстилка Полковника.

А другого объяснения и быть не может! Все это видят! Триггер трахает страшиллу Тессу, а она взамен получает его покровительство. Хотя я с трудом понимаю вкусы Триггера. Ей богу, когда она смотрит на меня своим кривым обожженным глазом, она напоминает того чувака из старого фильма про резню бензопилой. Маньяк с кожаным лицом. Вот один в один!

Но тем не менее, я уверен, это не помешало ей уже давно расписать с Триггером наследование званий наперед, попутно причмокивая его членом за щекой. Эта хитрая сука с самого первого дня, как пришла в Падальщики, пробивала себе путь наверх так остервенело и напористо, словно у нее ракета между ног шипела. На командирстве она не остановится, она хочет всех Падальщиков под себя забрать, а оттуда и до генеральского кресла один раз харкнуть. Ни для кого не секрет, что следующим Генералом станет тот, кто ведет

отряды специального назначения, потому что мы единственная причина, по которой все это сборище сикушных шкурников до сих пор живо.

Ну а я обещаю, что до последнего буду ей палки в колеса ставить. Революционные идеи все больше вербуют задыхающихся под авторитаризмом Генерала людей. Уже среди Падальщиков мне удалось собрать небольшую, но могучую кучку солдат, которым осточертело сидеть в подземелье под чутким надзором дракона и которые ждут момента, когда смогут сами вершить свою судьбу и судьбы людей на этой базе, умирающих от отчаяния и беспросветного будущего. И в тот день, когда Тесса станет Полковником, я стану ее самым жутким кошмаром в облике самого яркого оппонента! В этой войне подстилке генеральского режима не выиграть! Месть мальчика, потерявшего в той бойне мать, слишком свирепа и требует утоления своего голода.

«Голод» – вот, что я вытатуировал у себя на лбу, чтобы никогда не забыть о том, кто я есть на самом деле!

Короче. Отряды специального назначения – штука серьезная. Мы в буквальном смысле спасаем эту базу в Смердоземье от загнивания. Помимо запчастей и полезных минералов, мы привозим нашим ученым куски зомби. И это, скажу я вам, полный отстой!

Вирус в крови зомби остается живучим даже после того, как мы разможем им головы и они подохнут. Что-то там про вирусную спячку говорят биологи. Поэтому приносить

образцы тел размером больше, чем палец, нам запрещено. Вот и ходим, собираем пальцы мертвецов, чтобы подарить еще одну гребаную надежду на победу в битве, которая началась до моего рождения.

Убить зомбака не сложно. Есть пара правил для того, чтобы выжить в схватке с ним. Первое: если у тебя нет винтовки в руках, то лучше бы тебе быть чемпионом по бегу, потому что силы у них не занимать, а бегают они на четырех конечностях со скоростью чертовых гепардов, и это я вам скажу – полнейший отстой! Второе: стрелять либо по ногам, либо сразу в башку, потому что ранения в торс они вообще не замечают! Они же бескровные, так что не надейся на смертельное кровотечение. Третье: если тебя укусили, то постарайся застрелиться до того, как отрубишься, иначе восстанешь из мертвых, и пристрелим тебя уже мы.

Выглядят зомбаки хреново! Вот прям до жути хреново! Начнем с того, что они сохранили образ человека лишь отчасти. Трансформация метаболизма происходит быстро, всего в течение пары часов, не больше. И с этого момента начинается процесс превращения. Тело приспособливается к новому образу жизни в течение пары месяцев, и потом ты уже не узнаешь в этом трупe своего бывшего друга.

Зомби серовато-белые, потому что в жилах у них течет разве что трупная гниль. Хотя я не знаю, чего у них там течет. Когда разможжишь им черепа, то оттуда вытекает какая-то черная склизкая хрень, похожая на свернувшуюся

кровь. Оно и логично, они же почти мертвецы.

Зомби питаются кровью, а потому они худющие, как анорексичные подростки, белка то не употребляют. Мышцы сохраняют свои функции, но вот жировая прослойка полностью истощается. Их организмам не нужно сохранять большое количество тепла, как человеку, температура на них вообще никак не действует.

А еще зомби – лысые. У них даже бровей нет. И лобки чистые. Я сам проверял. Вот прямо ни одного волоска на теле!

Как я уже сказал, передвигаются они на четырех конечностях и от этого зрелища хочется обоссаться! Представьте, бегут на вас от трех до пяти этих бледных скелетов на четырех ногах со сверкающими голубыми глазами и зубастой пастью! Стреляешь в них, а они гады живучие, выпустишь не меньше трех пуль, прежде чем остановишь уродца. Последняя пуля – в лоб. Только так отправишь их в ад.

Отрядов специального назначения всего пять. Мой – самый лучший. Я лично отобрал самые спелые и разрушительные экземпляры! Возьмите хотя бы моего сержанта Рафаэлку! Этот тип весом сто двадцать килограмм способен разломить череп зомби одним ударом! Ударом топора, конечно, но все равно! Удар-то мощный! Он настолько огромный, что его икры не помещаются в армейские ботинки самого большого размера. Он их подворачивает, как носки. Я, правда, не понимаю, зачем он цепляет белую фату на шлем во время вылазок, но тут у каждого есть свои прибамбасы. По

сути, мы все кучка психопатов.

Особенно Тесса.

Я давно заметил эту подозрительную связь между ними тремя: Стальная Стерва, Жижа и Пипин Короткий. Хе-хе. Эти все клички я им дал. Если чем я и горжусь на этой базе, так это тем, что все мои клички приживаются, как по щелчку. Я такой, мать мою, гениальный! Тесса, Бриджит и Калек – вечный тройничок. Помимо Триггера страшилу Тессу никто больше трахать не станет, кроме ее сержантов. А я вам точно говорю, недотрах у нее жесткий, потому что стерва она первосортная!

Короче. Мой отряд называется Васаби. Мы как большой и толстый японский хрен на этой базе! От нас у всех свербит в глотках и горит в носу. И я чертовски рад, что мой Васаби постоянно мелькает на страницах крутого пропагандистского комикса, что периодически выходит раз в неделю-две. Васаби всегда борется со Стальной Стервой, над которой витает рой из четырех мух – метафора генералитету. Это значит, мой отряд – символ бунтарей, символ грядущей новой жизни!

Есть еще Тесла, Бодхи и Бесы – тупее названий я не слышал, но каждый командир сам выбирает название отряда. И это тоже – полный отстой. Потому что они выбирают какую-то упоротую хрень, а ты потом сидишь в кустах на задании и пытаешься вспомнить, как зовутся те придурки с зеленой повязкой на шлеме. Иной раз я не заморачиваюсь и

просто кричу в микрофон:

– Синие педики, выдвигайтесь на восток!

– Отсоси, шлак! – слышится в ответ от сержанта Теслы.

А так, мы очень дружная компашка элитных войск. Мы заботимся друг о друге ежедневно. Вчера, например, я смыл в унитаэ трусы Легавого – сержанта у О-ля-ляжки, пока он мылся в душе, потому что они смердят на сотню метров во-круг! Он что, там себе питомцев выращивает? Потому что его мошонка определенно в скором времени взорвется фонтаном лобковых вшей, которыми заразятся остальные Падальщики! Помните, как в прежние времена со вшами разбирались? Брили налысо! Представьте, все отряды Падальщиков с гладкими лобками! Легавого по миру пустили бы за такое! Я ему жизнь спас, да еще оздоровил промежность! Но этот придурок разозлился не на шутку. Потому что он остался без белья, ведь у нас с одеждой все проблематично. Но разве это не пустяковая плата за сохранение яиц? Короче, вывод: проявлять заботу не так-то легко, как кажется на первый взгляд.

Отряд Тессы зовется Маяк. Есть какая-то необъяснимая тяга у этой психопатки к маякам, она набила его себе даже на плечо.

То ли дело моя татуировка – образец подлинного японского искусства! Это – Бульбазавр! Самый крутяшный покемон первого поколения и моя родственная душа. Это – зеленый четвероногий толстячок с большой луковицей на спине,

которая созревает на солнце, а потом раскрывает свое семя. Ну вы понимаете теперь эту параллель между нами? О да! Я люблю много солнышка! Моя луковичка не может жить без солнышка. Хе-хе. Короче. На плече я набил его три стадии созревания: Бульбазавр – Ивизавр – Венузавр с постепенно раскрывающимся бутонем. Я такой, мать мою, гениальный!

А вообще, мы делаем себе татуировки не потому что они нам нравятся или безумно ценим искусство вбивания краски в тело. Это скорее из практических соображений. Так завелось с самого начала существования Падальщиков. По татуировкам мы узнаем наших в стане врага и дарим достойную смерть. Нет, мы не щадим зомбаков, но, увидев бывшего своего, мы, по крайней мере, стараемся быстрее и менее травматичнее окончить его жизнь. Тем самым мы выражаем ему почтение и благодарим за службу во имя нашей цивилизации. Возможно, когда-нибудь я тоже окажусь среди них, и Легавый со слезами на глазах схватится за свою здоровенную мошонку и выкрикнет мне слова благодарности, а потом убьет безболезненно. Хотя я понятия не имею, испытывают ли зомби боль. Они же, вроде как, не до конца мертвые.

Короче. Со временем краска полностью выводится из кожи зомби – они обладают воистину быстрой способностью к регенерации, и тогда на месте татуировок остаются белесые шрамы, по которым все еще можно прочесть знакомые узоры. Я видел такое много раз. Человек трансформируется в настолько неузнаваемое чудовище, что только по белесым

линиям и узнаешь бывшего солдата отряда специального назначения. Но до такого мы стараемся не доводить.

Помню, сдружился я с одним новобранцем еще на первом году службы, у него на руках была татуировка волка, воющего на луну. Его звали Вольф. За свое имя и бурную растительность он логично получил от меня прозвище Вервольф. Но он был таким добрым и чутким, что впоследствии стал Оборашкой. Жаль, что мы потеряли Оборашку во время одной из вылазок четыре года назад, я тогда совсем зеленым был. Зомбаки напали на него на моих глазах. Раз вцепившись своими острыми зубами, этих тварей не отодрать. Приходится быть очень метким, чтобы попасть им точно промеж глаз, тогда они разомкнут пасти и освободят добычу.

Я тогда из штанов лез, лишь бы занять место командира. Гонка с Тессой набирала обороты. Мне было неважно, каким образом мой командир сдаст пост: сам откажется или же подохнет. Но в тот день я впервые расхотел. Потому что в обязанность командира входит эта великодушная казнь — дарить смерть укушенным членам своего отряда. Оборашка был моим другом, и в его глазах, смотрящих в дуло винтовки, я видел отчаянное и душераздирающее желание жить. Его искренняя чистая надежда на светлое будущее умерла в ту секунду, когда курок был спущен.

Через месяц я стал командиром отряда.

Мой предшественник повесился в туалете личной комнаты, в которой сегодня живу я.

7 декабря 2071 года. 10:00

Полковник Триггер

– Ноги со стола, Тормунд! – говорю я, как только вхожу в штаб, где уже ждут мои пять командиров.

Они вскакивают с кресел вокруг широкого металлического стола, вытянувшись по швам.

– Доброе утро, Полковник Триггер! – приветствуют они дружным хором, который за четыре года службы бок о бок выдрессировался настолько, что звучит, как волшебная песня.

– Вольно, – говорю я и сажусь в кресло.

Ребята вторят и садятся за стол, за которым мы традиционно проводим наши понедельничные разборы. Я отпил воды из стакана, который стал моим спутником жизни до самого ее конца. Таблетки от изжоги закончились еще десять лет назад, так что вода – мое единственное лекарство. На базе вообще болеть нельзя. Наша медицина больше похожа на средневековую, когда вино служило обезболивающим, а перевязочный материал был многоразовым.

Я оглядел моих командиров. Мне всегда доставляло удовольствие разглядывать их, потому что мне кажется, что я вижу в них надежду на лучший мир. Они молоды, сильны, бесстрашны, и они готовы нести на своих плечах остатки нашей цивилизации, когда мы с Генералом и остальными Полковниками закончим свой беспокойный век. Мы последние

оставшиеся люди на земле, которые еще помнят ту прекрасную жизнь до наступления ада.

А здесь выращенные нами пять бойцовых псов. Каждого я отбирал лично. Мои пять достойных командиров. Ну или четыре достойных и Тормунд. В обществе всегда должна быть сорвиголова, которая будет трясти общее самосознание группы, дабы никто не расслаблялся.

Не могу не отметить тот факт, что с каждым прожитым днем на Объекте я все больше преисполняюсь гордостью за них. Это – мои ученики, в каждого я вложил все свои знания, умения, а главное – бесценный опыт выживания. Не во всех эти семена проросли, как надо, как я задумывал. Но здоровая конкуренция всегда должна быть, чтобы быть начеку и не терять хватку перед опасностями, которые поджидают за каждым углом. Мы живем в суровые времена, когда враг окружил со всех сторон и каждую чертову секунду отслеживает нас своим сверхчувствительным обонянием, а стены нашей подземной крепости ежесекундно сопротивляются давлению почвы и подземных вод. Мы ведем оборону по всем фронтам, даже наш собственный дом иногда восстает против нас, когда случаются обвалы и потопа в отсеках. Так что, нам ни на секунду нельзя терять бдительность.

Тормунд – главный бунтарь, Тони – бесценный радиоинженер, Ольга – заядлый реалист, Ной – вечный праведник и Тесса – моя звезда.

Вот мои пять помощников в поддержании жизнеспособ-

ности базы. Столь разные личности объединились одной задачей. Обстоятельства сложились так, что мы не можем выжить с таким огромным количеством людей в таких нищенских условиях без снабжения ресурсами снаружи. А потому Падальщики – ангелы-хранители нашего нового мира.

Хотя ученые иногда пользуются ими в своих бессмысленных целях и поручают им привезти новые фрагменты тел для изучения. Моя воля – отменил бы право исследовательского блока пользоваться столь ценным орудием, как спецотряд, ради напрасного изучения того, о чем мы уже знаем предостаточно. Но Генерал продолжает поддерживать исследования, понимая, что вместо их бесполезности народ видит в них луч надежды.

По мне, это пустая трата времени. Главное – выжить любой ценой, а изучение инфицированных уже потеряло актуальность, иначе мы бы не были тут заперты, не так ли? Ученые потеряли свой шанс остановить эпидемию сорок лет назад. Настала моя очередь спасти остатки человечества после их ошибок, и я клянусь, что сделаю все ради того, чтобы люди на моей базе продолжали свое существование.

В конце концов, чего мы не знаем об инфицированных? Вирус передается капельным путем через кровь. Слюна инфицированного обязательно должна попасть в кровеносные сосуды, там его вотчина. Вирус разносится по всем органам, поражает нервную систему и отключает лобные доли, после чего человек становится чудовищем. Когда вирус только от-

крыли, превращение человека длилось девять месяцев. Но вирус мутирует, и сегодня между человеком и безмозглым монстром разница всего в пару часов.

Голод движет ими, затмевая рассудок. Все, на что реагирует мозг – это запах крови. Вопреки рассуждениям о них, как о зомби, это далеко не так. Они не едят нашу плоть. Их потребность – человеческая кровь. Причем только человеческая, животных инфицированные не трогают. И все, на чем сконцентрирована их мозговая деятельность – поиск пропитания.

Так как инфицированным не нужна никакая другая пища, кроме человеческой крови, вместо зомби уместнее их было бы называть вампирами или кровососами. Поверить не могу, что те сказки, которые мне рассказывали в детстве, вдруг претворились в жизнь. Может, где-нибудь обитает и золотая рыбка, что исполнит мои три желания. Я бы загадал вернуться на пятьдесят лет назад и взорвать ядерной бомбой тот участок Антарктики, из которого достали эту заразу.

Глобальное потепление и вправду уничтожило нас, но не совсем так, как мы представляли. Нас не смыло водой, не похоронило под тоннами снега. Нас истребил древний вирус, который сама же природа и породила. Раздражающий вопрос часто звучит в моей голове: как с таким мощным военным вооружением мы позволили заразе гулять по планете? Ответ очевиден: вместо уничтожения вируса мы заперли его в карантинных блоках и стали изучать. Как и любого

военного, меня охватывает ярость в этот момент. Мы могли закончить войну, не начиная ее, путем ликвидации первых зараженных или навсегда заперев их, раз этика так мешала нам спустить курок. Мы защищали мораль в то время, когда вирус медленно убивал нас. Сколько войн можно было бы переписать, если бы в их время человек блюл мораль? Все. Война и нравственность – понятия несовместимые, они не могут существовать одновременно. Ведь первое как раз и возникает из-за отсутствия второго.

Ну и где сегодня эти ученые? Тихонечко сидят в своем блоке и ковыряются в пробирках, потому что наконец-то сами осознали свою немошь перед винтовкой, которая решает проблему за одну долю секунды.

Вместо борьбы с угрозой, которая всего за пару месяцев превратилась в глобальную, мы продолжали спасение зараженных, запирая их в больницах, откуда потом и началась Вспышка. Ведь мы не жестокие чудовища, которые бросают раненных на поле боя! Мы обязаны защищать любую человеческую жизнь до ее последнего вдоха!

Наше стремление защищать права всякой мало-мальской кучки людей, не вписывающихся в общественную систему, родило в нас страх рубить топором и избавляться от проблемы на стадии ее зарождения. Ведь этика – наше будущее! Мы обязаны давать свободу каждому живому существу на выбор той жизни, которую он хочет вести!

Так мы и делали. Мы уважали право всякого человека

на полноценную жизнь, выступая против разных форм дискриминации, борясь за гендерное равенство, поддерживая однополую связь. Мы даже кошек и собак наделили правами на жизнь и прописывали их в человеческую конституцию! Думаете, нами двигало стремление уважить достоинство людей? Установить равные права для всех? Построить мир во всем мире? Нет. Наделяя каждое существо правами, мы стремились снять со своих плеч ответственность за их жизни, за их неудачи. Все это привело к тому, что общество развалилось, потому что каждый пытался оттяпать собственный кусок уважения. В этом смысле Генерал прав насчет необходимости тоталитаризма в нынешних условиях. Тоталитаризм – признак смелости и отваги лидера, который сам берется решать проблемы населения, как и нести ответственность за благополучие нации. Потому что люди сегодня, как детсадовцы. Как же можно наделить их правом принимать собственное решение, если они совершенно не осознают всю полноту опасностей вокруг?

Оппозиция будет существовать всегда. Антиподов создаст сам общественный строй. Опять же, здоровая конкуренция – двигатель прогресса. Но вот сила мятежного духа напрямую зависит от тяжести руки управленца. И пусть мы четверо – Генерал и три Полковника – кажемся врагами собственному народу, навязывая ему свою волю и пресекая любые попытки пойти нам наперекор, делаем мы это ради всеобщего блага. Мы не можем разнуздывать население, иначе

им невозможно будет руководить. А сплоченность – это то немногое, что осталось у нас в арсенале против угрозы вымирания.

Я знаю, что и среди Падальщиков уже нет былого единства. Мне грустно от этой мысли, потому что я наблюдаю за тем, как мое собственное детище начинает терпеть крах, следуя по тому пути, по которому шел человек там на поверхности.

Человек – существо непостоянное, потому мы и выделяемся так резко на фоне других видов. Лесной слон никогда не покинет тропические леса Африки, лосось не изменит свою миграцию, дельфин не покинет свою стаю, чтобы стать частью другой. И только человек выделяется способностью пресыщаться установленным мироустройством, за который боролся, как за последний кусок хлеба. В этом суть человека: наш прогресс, как вида, неразрывно связан с борьбой между консерваторами и либералами. И последнее слово рано или поздно будет реформаторским. Мы, старики, лишь сдерживаем молодняк, как кучер – тройку оголтелых лошадей, чтобы не сорвалась в пропасть или на камень не наехала. Но, в конечном итоге, мы все равно прибудем в один пункт назначения.

В этом мой план. Я бы хотел, чтобы недовольные режимом Генералитета разумно подходили к самой идее о смене власти на базе. И моя задача – помочь им сделать правильный выбор будущего, пусть даже для этого мне придется взяться

за пистолет, чтобы уgomонить самых яростных подстрекателей. Человечество не вымрет в мою вахту!

Мы много времени потеряли, ожидая взаперти на военных базах, в бункерах, на кораблях, что инфицированные сами умрут, когда кончится пища для них. Как же мы заблуждались.

Чтобы понять механизм работы инфицированного организма, представьте себе аккумулятор. Когда заканчивается заряд, надо подключить его к сети, он питается током, и через некоторое время ты получаешь обновленную батарейку. Вирус работает также. Мы долго не могли понять, почему инфицированным достаточно лишь крови в качестве пищи, ведь основа человеческого метаболизма – окисление белков. Мы должны есть протеины. Но в том то и разница между нами, они больше не люди. Вирус меняет саму суть метаболизма, и вместе с человеческой кровью инфицированные в буквальном смысле получают энергию, которой достаточно для того, чтобы поддерживать живучесть носителя. Когда заряд заканчивается, а нового источника пропитания поблизости не обнаруживается, вирус частично отключает и остальные мозговые доли, оставляя в легком возбуждении лишь теменную, в которой, как компьютер в спящем режиме, продолжают работать рецепторы восприятия окружающей среды. Инфицированный впадает в спячку до первой тревоги – до первой учуянной человеческой крови. А нюх у них способен учуять запах человеческого тела на расстоянии до двух

километров.

Благо, в радиусе десяти километров вокруг базы остается не так уж много этих кровососов. А если они обнаруживаются, то группами не больше трех-шести особей. Наши автоматические винтовки оборудованы глушителями, а боевые машины пехоты – фильтрами на моторах, снижающих шум до едва уловимого гула. Мы научились быть тихими, но не невидимыми. Вылазка не может длиться больше двенадцати часов, иначе мы рискуем вновь обнаружить себя перед инфицированными, как восемь лет назад. Благо, инфицированные не обладают памятью. И повторно вычислить расположение базы им не удастся. Мы тоже мутируем и становимся хитрее. Гонка за жизнь продолжается.

Сегодня мы с командирами как раз вспомним наш позор, который стоил жизней почти трех тысяч человек – критическая потеря для базы, где проживало всего около двадцати тысяч. Фертильность людей упала критически и спустя восемь лет мы до сих пор не восстановили прежнюю численность.

– Итак, ученые сосчитали весь потенциал добытого вами металлолома, и если мы хотим обеспечить себя запасами патронов на ближайший год, нам осталось сделать еще одну вылазку. Заключительную в этом году.

– На нефтяную станцию, – предполагает Тони.

– На нефтяную станцию, – киваю я.

Деятельность Падалыщиков уже вошла в привычный

ритм. Солдаты редко посещают территории, на которых еще не были. В радиусе двухсот пятидесяти километров у нас имеется практически все, что необходимо для обеспечения базы ресурсами. Сегодня приоритетными направлениями для Падальщиков являются добыча металла, топлива и растительности. Почти сорок лет назад, когда строилась Желява и идея создания спецотрядов только зарождалась, мы собирали все! Металлом, кабеля, компьютеры, одежду и прочее тряпье, колеса, даже промышленные станки с дальноточного глаза Генерала, благодаря которому сегодня мы можем сами печатать патроны. Борьба с инфицированными осложнялась бесчинством мародерских банд, от которых пострадать можно было не меньше.

Первые пять лет становления базы были самыми трудными. Вылазки совершались ежедневно. Понятия цепная миграция вообще не существовало: леса просто кишели инфицированными, как дикая собака – блохами. Два ближайших оружейных завода на территории Венгрии и Польши мы опустошили в первые три месяца. Каждую вылазку мы теряли бойцов. Мы в буквальном смысле выходили на опасную охоту ради выживания своей большой семьи.

По мере накопления материала вылазки становились реже, количество инфицированных, как и бандитских формирований, тоже снижалось. Нам было необходимо ожесточенно драться первые пять лет, а потом мы, вроде как, зажили. Первых эвакуированных на Желяву было почти пятьдесят

тысяч человек. Через пять лет нас осталось двадцать тысяч.

Теперь же деятельность Падальщиков сводится к поддержанию того миропорядка, который мы организовали на Желяве. Солдаты добывают металл разного рода от стальных заборов до автомобильных аккумуляторов, из которых мы извлекаем свинец. Он используется во многих отраслях, но больше всего – в оружейном цеху, где баллисты собирают патроны. Сталь вытягивается в листы и подпоры, которыми укрепляется каркас базы. Сбор нефтепродуктов с нефтяной станции в горах обеспечивает нас топливом для боевых машин, а также герметизирующим материалом. Побочные продукты перегонки нефти также расходуются до последней капли. Например, серная кислота, получаемая из отходящих газов сырой нефти, участвует в производстве нитроцеллюлозы, которая впоследствии превращается в порох. Еще один важный ресурс – растения для фармацевтического блока, который производит поливитамины для населения. Пища у нас скудная, и единственный способ поддерживать адекватное состояние здоровья людей – это прием искусственных добавок.

– Скоро Новый год. Нам и свои запасы неплохо бы пополнить, – сказал Тормунд.

Остальные активно закивали.

– Вылазка на нефтяную станцию достаточно длительная. После нее Трухина не скоро даст разрешение на следующую вылазку из-за цепной миграции, – ответил я.

– Тогда сначала заглянем в волшебную страну, а потом поедем за черным золотом, – добавил Тормунд.

И снова остальные поддержали его кивками. Хотя в чем-то у них осталась солидарность.

– Хорошо. Сегодня согласую график с Генералом.

Я украдкой взглянул на Тессу. Так, чтобы взгляд казался обычным, каким я одариваю всех их. Тесса смотрела на стол перед собой, даже не удостоивая меня вниманием. Она хорошо играла свою роль покорного солдата. И те слухи, что пускают о нас с ней, а я прекрасно о них осведомлен, скорее, моя вина. Я уделяю ей слишком много внимания, прощаю ее наглые выходки, выделяю ее мнение среди других. Я стараюсь всего этого не делать, но, видимо, недостаточно хорошо.

С другой стороны я не могу затыкать ее лишь из-за страха перед слухами. Это глупо. Люди всегда болтают, это – нужда социального общения, нужда быть частью одной группы, и бороться с ней – высшей степени глупость. Я уважаю Тессу больше остальных, потому что в отличие от них она умеет думать. Она не просто выполняет приказы, она старается видеть на несколько шагов вперед. Это – отличный навык для командира и еще лучший для более высоких чинов. К сожалению, человеческая зависть всегда рушит самые положительные намерения и отличительные таланты. Я по этим правилам уже давно живу. Тессе же еще предстоит познать, что твоя правота далеко не всегда является поводом для похвалы. Люди завидуют и точка. Каждый раз, когда сверкаешь

своей сообразительностью, люди будут стучать тебе по голове, пытаясь опустить тебя на один с ними уровень. Да, это несправедливо, да, это убивает желание помочь и внести полезный вклад в общее дело. Но так оно устроено среди людей, и за пятьдесят лет своей жизни я так и не понял, почему.

– Итак, кто скажет, какой сегодня день? – начал я привычную лекцию.

– Седьмое декабря, сэр, – ответила Ольга.

Мне не нужно задавать вопрос, помнят ли они, что это за день. Они уже восемь лет знают, о чем я буду говорить с ними седьмого декабря. Их опущенные в пол глаза говорят сами за себя – им тяжело вспоминать о том дне. Многим тяжело. Не только солдатам. В тот день каждый, кто сегодня живет на базе, потерял кого-то. Эта грандиозная ошибка чуть не превратила в прах всю нашу жизнь, что мы с таким трудом построили здесь на руинах цивилизации.

– Как вы помните, у нас не осталось ни единой записи с видеокамер наблюдения, потому что блок с дата-центрами в тот день взорвали. Мы, вообще, чуть ли не лишились всей имеющейся у нас информации, что отбросило бы нас во времена динозавров. Ни учебников вам, ни видеоматериалов. Ничего! Сидели бы всей базой и изучали свои вонючие пятки в следующую десятку лет.

Мощный взрыв прогремел в хозяйственном отсеке, куда какой-то недалекого ума жлоб спрятал четыре канистры с керосином. Раньше ворье на базе процветало, но мы с Генера-

лом чувствовали, что население еще не готово к крайним мерам. Суровость наказания преступников напрямую зависит от степени запуганности народа. Тот день развязал нам руки, люди сами потребовали более жестких мер относительно воров и жуликов, когда узнали, что едва не потеряли в том пожаре все, что имели. С тех пор на базе введена смертная казнь за воровство.

Пытаясь сдержать натиск противников, один солдат, не зная, что находится под брезентом, бросил гранату, которая приземлилась аккурат возле канистр. А за стеной находился наш дата-центр, который завалило разнесенной в песок бетонной стеной. Горящее топливо разлилось повсюду и доползло до нескольких системных блоков, и те загорелись. Мы смогли добраться до центра лишь спустя час, все это время он горел. Следующие полгода мы восстанавливали данные со сгоревших серверов, что-то восстановить так и не удалось.

Я видел, как неприятно командирам вспоминать о том дне, который почти убил нас. Но они должны помнить об ошибках предков, чтобы не повторять их в будущем. Иначе мы потеряем и этот крошечный шанс на выживание.

– Что ж, давайте начнем наш экскурс в прошлое, чтобы вспомнить, какие ошибки едва не стоили нам жизни, – говорю я и жду начало воспоминаний.

7 декабря 2071 года. 10:10

Ольга

Полковник Триггер – человек харизматичный. Он высокий, крупный, накачанные руки виднеются из-под футболки зеленой камуфляжной расцветки, на плече у него уже считающаяся устаревшей татуировка орла, спускающегося на парашюте – воздушный десант. Полностью вымерший вид войск, потому что самолеты больше не летают. Я часто смотрю на синие линии выцветшей татуировки Полковника и представляю, как ее набивали ручной машинкой, наверное, часов шесть, не меньше. Сегодня же наши татуировки рисует три-дэ принтер, на котором сам создаешь эскиз за пару минут. Триггер вообще образец уходящего в Лету солдата прошлого, где мы потеряли мир. И прическа у него – седой ровный ежик, как площадка для посадки самолета на голове – тоже, будто со страниц Хроник выдрана. Он носит, как и полагается остальным Полковникам, серый шерстяной берет, который сейчас лежал рядом с незаменимым граненым стаканом с водой на столе. Вечно напряженные кустистые брови и хмурый взгляд зеленых глаз заставляет вытянуться по струнке, даже сидя на стуле. Левую щеку пересекает длинный белесый выпуклый шрам, который огибает подбородок, пересекает шею и прячется где-то на груди под футболкой. Говорят, он был сильно ранен во время одной из зачисток двадцать пять лет назад, когда жителей эвакуировали из города на нашу базу. Его задело осколками снарядов, которые буквально разрезали его на части. Но Триггер остался красавчиком даже после того, как его сшили заново.

Триггер – наш отец. Мы даже на Генерала так не смотрим, как на Триггера, ну знаете, таким взглядом фанатика, прославляющего величие бога. Мне кажется, что если начнутся гражданские беспорядки, то все отряды Падальщиков выстроятся стеной вовсе не перед Генералом, а перед Триггером – настолько он значим для нас. Он воспитал нас бесстрашными самоотверженными бойцами и продолжает направлять наш боевой дух в русло всеобщего выживания. Никто так не воюет за благополучие населения Желявы, как Падальщики. Мы больше остальных осознаем важность наших миссий, без которых база очень быстро начнет умирать. Триггер – один из первых Падальщиков. В его времена они звались Коммандосы, это уже потом спустя несколько лет, когда люди пережили первые суровые года и жизнь под землей более менее начала свой размеренный житейский ход, отряды специального назначения стали Падальщиками сначала в устах населения, а потом и Генералитет пустил это название в обиход. Сегодня Желява переживает смутные времена, когда люди в край измучились жизнью в страхе и требуют перемен, пусть и не так настойчиво и уверенно, но это только начало. Тридцать лет беспросветной жизни полной отчаяния и тревог должны были принести первую волну бунтарей, пресытившихся привычным укладом. Так уж устроен человек: верит, что хорошо там, где его нет. Я была там, где нет человека – на поверхности, и ничего хорошего там нет. Но даже враждебному миру мое внутреннее Я готово дать

шанс, и я не знаю, откуда идет это желание. Наверное, это и есть душа, которая требует своего дома. Мы – наземные животные, нам нужно тепло солнца, свежесть гуляющих ветров, запахи лесных рощ, бескрайние соленые моря. Там наша родина. Хочется верить, что эти три десятилетия – всего лишь ссылка, которая имеет срок. Потому что если это не так, то моя душа, навечно лишенная родного дома, умрет, а тогда и мне жить без надобности.

Первым воспоминания начинает Буддист. Кажется, его зовут Ноа или Ной. Или Боря. Черт его знает, мы редко зовем друг друга по именам. Кроме Тессы, наверное, у нее уж слишком длинное прозвище. Тормунд его сократил до СС, но Полковнику это не понравилось – его предок был одним из тех, кто пытался установить в мире эру фашизма. Четыре поколения спустя Триггеру до сих пор стыдно за своих предков, виновных в гибели миллионов людей. Интересно, сколько будет стыдно нам за потерю семи миллиардов?

Я – Ляжка, сокращенно от О-ля-ляжка. Тони – Антенна, Тормунд – Фунчоза, хотя ему больше подошло бы Придурок или Тампон, а еще лучше – Помойка. Тормунд Помойка. Черт, почему мое слово не столь весомо, чтобы кто-нибудь к нему прислушался? Станным образом только у Помойки хватает фантазии и аналитического мышления для того, чтобы вычленив самую яркую характеристику человека, чтобы потом превратить ее в нечто комичное и точное одновременно, что несомненно становится популярным. Я бы тоже мог-

ла придумать интересные клички, да вот мой акцент – моя проблема. Так или иначе проскальзывает иногда гулкое «р» и твердое «л», отчего все сразу понимают, откуда я родом. Вот только не хочу я от него избавляться, потому что он так ярко пахнет домом, который я оставила далеко отсюда.

Я оказалась на базе благодаря моему отцу. Он был видным русским ученым, и его очень ждали здесь во времена восстановления базы. Он разработал систему раздвижных входных ворот, которые много раз спасали людские жизни. Они представляют собой четыре стальные двери, укрепленные арматурой вдоль полотна. Они расположены так, что ворота открываются с середины: две двери в противоположных стенах, одна дверь в потолке, другая в полу. Они начинают съезжаться и соприкасаются в точке ровно в центре прохода. Такие ворота были признаны успешными, мы часто прячемся за ними, когда мертвецы отслеживают нас и бросаются в погоню. Они не успевают пролезть в проход, он находится слишком высоко для них, а значит и затормозит механизм у них не получится. А если самый ушлый из них зацепится за поднимающуюся из пола стену, то ему отрубят пальцы, когда двери соприкоснутся. База оснащена двойной системой прохода – аналогичные ворота меньшего диаметра стоят на страже людей внутри проходной. Уж если выйдет так, что первый барьер будет сломлен, всегда есть второй брат-близнец.

А дальше в дело заступают автоматические бесшумные

турели, установленные по внешнему периметру базы, за которым блюдут Назгулы. Они уничтожают противников, обрывая тем самым цепную миграцию.

Всю эту систему придумал мой отец Роман Красельников – бывший инженер-прочнист. На момент Вспышки он работал в Брянском техническом университете, преподавал на кафедре динамики и прочности машин. Хаос пандемии загнал его с семьей в Восточную Европу. К моменту моего рождения из всей семьи, о которой папа не любил рассказывать, потому что боль от потерь была невыносимой, в живых осталась только бабушка, да и она скончалась от пневмонии через год. Я и маму свою не знаю, она скончалась при родах. Так мы с отцом остались вдвоем. Новость о построенной где-то возле Хорватии крупной подземной базы нашла нас в Польше в две тысячи сорок пятом, мне тогда всего два года было. Мой отец был знаменитым, он создавал чертежи мощных укреплений и оплотов для последних горстков людей, ставших наследием вымершей цивилизации. Ему тоже дали кличку: Красельников – слишком сложная фамилия для европейцев, но созвучная с названием страны, потому его просто звали Рашн (Russian – Русский). Его слава дошла и до Генерала, который лично пригласил Русского на Желяву для создания высокотехнологичных ворот, задача которых весьма примитивна – спасти людей. Генерал даже послал за ним конвой из двух Аяксов. Так мы оказались здесь.

– Отряд Совы возвращался с задания, – говорил Буд-

дист, – недалеко от границы внешней территории они подверглись нападению группы мара и вынуждены были отступить к базе.

Особенность отрядов в том, что все мы по-разному называем мертвецов. Буддист в свойственной ему манере обозвал их именем какого-то буддистского демона. Поначалу больше всех возникал Помойка, но Генерал призывает уважать религии. Люди видят в них утешение.

– К сожалению, ворота не успели закрыть во время и двое мара пробрались за первый барьер, – продолжал Буддист.

– Отлично, стоп! – прервал Триггер.

Мы уже знаем, какой вопрос он задаст. Мы разбираем этот день по секундам каждое седьмое декабря вот уже восемь лет. Вроде бы должно наскучить, ведь мы знаем все правильные ответы. Но еще ни разу я не заметила даже намека на потерю интереса в лицах моих собратьев. В самом деле, мы похоронили тогда части наших жизней.

– Ворота держали открытыми слишком долго, – ответил Антенна.

– А почему? – не унимается Триггер, пока не услышит верный ответ.

– Потому что хотели спасти своих, – заканчивает Тесса.

Ну разумеется. Она всегда должна ставить точки. Триггер ее обожает и зачастую ставит ее мнение во главе, несмотря на то, что она будет в меньшинстве. Фунчоза-Помойка говорит, что Триггер трахает ее. Калерб говорит, что Триггер це-

нит ее неподдельное чутье. Я не знаю, чему верить, и предпочитаю верить всему, раз уж слова Калеба подтверждаются и моими наблюдениями. Тесса действительно имеет нюх на мертвецов. Хотела бы я знать, что это значит и где этому научиться. Потому что Тесса и впрямь иногда поражает своими догадками, бьющими в цель. Она выстраивает прочные маршруты, избегая встреч с мертвецами. Одному богу известно, откуда она знает, где они спят, ведь по тепловизорам их сложно найти. Она пыталась мне как-то объяснить способы определения местонахождения мертвецов по особенностям горных склонов, зарослям кустарников, щебету птиц. Следопыт хренов.

Мы все знаем, как Полковник ценит мнение Тессы. Оно и понятно. Ее мнение так или иначе будет одного поля с Триггером. Она может дерзко возразить, сделать красноречивое замечание, но, в конце концов, она встанет на сторону Протокола, как бы нехотя, как бы ее заставили, как бы это логично и правильно. Мы видим этот спектакль. Она пытается выделиться своим борзым характером, идя всем наперекор и завоевывая тем самым себе поклонников из Падалыщиков, но в конце пьесы согласится с Полковником, и они вдвоем станут смело отстаивать одну точку зрения. Одним из самых успешных методов борьбы с недовольством населения – создать своего антипода, оппозицию самому себе, которая будет играть роль бунтаря строго по написанному сценарию. Митинг организовать здесь, затронуть темы вот такие, по-

больше справедливых требований и патриотических лозунгов. Пусть люди тратят энергию недовольства на фиктивные выплески негодования, которые имеют вес птичьего пера и вкус воздуха, а потом когда страсти поутихнут, люди снова вернутся в свои обветшалые жилища и продолжат ровно ту жизнь, которую вели до этой вечеринки с красными флагами. Зато у людей будет складываться мнение, что их голоса услышаны и увидены, а это достойное светило, ратующее с трибуны за справедливый труд и вознаграждение, поведет их в новый путь. Но на деле ничего не изменится. Ничего. Нити от этой светлой марионетки подвязаны к тем же рукам, что и представители действующей власти. Эта модель правления доказывала свою эффективность во всех развитых странах на протяжении столетий, и сегодня ничего не изменилось. Уже нет честных войн и боев один на один, все человеческое сопротивление превратилось в игру спецслужб и психологических трюков. Сегодня сила – это хитрость.

И мы все понимаем, к чему это идет на Желяве. Амбиции Тессы не бесследны, а восхищение ею Триггера вызывает кровотечение из глаз. Угадайте, кто станет следующим Полковником!

– Именно! Мы рискнули жизнями двадцати тысяч человек, желая спасти своего.

Полковник всегда говорил «мы», даже несмотря на то, что нас там и не было. Просто он всех солдат отрядов специального назначения собирает воедино, в один общий разум, ко-

торый он хотел бы в нас видеть. У него бы получилось, если бы мы не были столь разношерстными. Говорите, что хотите, но обладать единым разумом с Помойкой я не хочу. Мне достаточно того, что мы с ним преследуем одну цель – выжить и спасти людей.

– Да все было бы иначе, если бы та тупая баба не желала спасти своего муженька! – возникнул Фунчоза.

Все как по сценарию. Его фраза из года в год неизменна. Как и ответ Буддиста.

– А если бы там была твоя мать? Ты бы оставил ее снаружи или попытался бы спасти?

Предсказуемое замешательство. Ох, избавьте меня от этой ежегодной мелодрамы. Мы знаем, что в той резне погибла его мать.

– Оставил бы!

– Ой да ладно!

– Да не смог бы!

– Не смей меня!

Раздается со всех сторон.

– Да пошли вы все в жопу!

– Тормунд! Дисциплина! – тут же осаживает Полковник.

Фунчоза-Помойка с недовольной миной скрещивает руки в локтях.

Этот вопрос вечный. Ты никогда не знаешь, как поведешь себя, будь ты на месте того офицера, что дежурила за пультом управления ворот. В идеале, ты бы не захотел оказать-

ся на ее месте. Эта ситуация из разряда тех, где нет верного выбора.

Старший офицер Тарья Мундо в тот день приняла пост дежурного за пультом управления Первых Входных Ворот. В отряде Совы служил ее муж – сержант Глеб Радько. Он последним забежал за ворота, и над этим я часто задумываюсь. Сержант Радько был сильным малым, он постоянно выигрывал в соревнованиях по бегу на длинные дистанции, а тут вдруг бежал последним. Я уверена, он понимал, что при такой близости с врагом, буквально дышащим в спину, шансы оказаться по ту сторону ворот малы. Он сделал свой выбор и остался в задю прикрывать своих товарищей. К сожалению, его жена тоже сделала выбор. И дождалась супруга прежде, чем нажать кнопку закрытия дверей.

– А в итоге? Кто-нибудь из этих двоих выжил? Тарья? Глеб? – спросил Полковник.

Мы дружно покачали головой. Вот так любовь чуть не убила нас всех.

Так как записей с камер видеонаблюдений не осталось, мы руководствуемся рассказами тех, кто выжил в тот злосчастный день и своей собственной логикой.

– Это был небольшой отряд. Всего шесть человек. А шесть человек на двоих мертвецов в закрытом пространстве площадью в сто квадратов означает бойню, – сказала я, чтобы побыстрее закончить сеанс воспоминаний.

С мертвецами оружие эффективно лишь на расстоянии.

Голыми руками с ними не справиться, и это меня всегда поражало. Откуда в них столько сил, если они такие худые и скелетные? Никак не могу переварить мысль о том, что они извлекают энергию из крови. Кровь что, какой-то электролит?

В общем, когда мертвец стоит перед тобой всего в пяти метрах, ты не успеешь сделать ни выстрела, он настигнет тебя в один прыжок. Хотела бы я уметь бегать на своих руках также быстро, как и они. И это я тоже не могу переварить: как человеческое тело может измениться настолько? Ведь они – это мы, просто под воздействием какой-то необъяснимой заразы.

Антенна продолжил рассказ. И это была самая нелюбимая наша часть. Потому что мы чувствуем себя в безопасности за стальными стенами толщиной в треть метра. Но когда стены рушатся, а двери открываются, мы становимся уязвимыми, как дети перед ураганом.

– Ребята ликвидировали инфицированных, но пули повредили пульт управления и ворота стали открываться.

– Ребята запаниковали и побежали к внутренним воротам, хотели укрыться на базе, придурки, – добавил Помойка.

– Тормунд! – Полковник терпеть не мог, когда перед ним нецензурно выражались. Хотя сам он тот еще мастак в нецензурной брани, стоит его только вывести из себя. Просто тут действует жесткая субординация, и материться перед вышестоящим лицом права не имеешь.

– Они посчитали, что из-за меньшего размера внутренние ворота откроются и закроются быстрее, чем внешние. Но в итоге просчитались, видимо, и мертвецы прорвались на базу, – сказала я.

– Да. Все именно так и случилось. И какой мы сделали из этого вывод? – спросил Полковник.

– Мы разработали новый Протокол доступа, перенесли пульт управления воротами в помещение внутри базы, а в проходной установили автоматическую турель, – рассказывал Помойка наизусть, раскачиваясь на стуле и рассматривая потолок.

– Какие основные правила мы внесли в Протокол?

– Родственники не имеют право дежурить на пульте управления воротами и быть на задании в одно и то же время.

– Внутренние ворота не могут быть открыты, если в проходной присутствует угроза.

Мы наизусть знаем эти новые правила, которые обязаны спасти наши задницы при следующем подобном раскладе. Молния дважды в одно место не бьет. Но мы почему-то искренне надеемся, что к ее следующему удару будем готовы.

– Ключевое слово – видимо.

Ее голос прозвучал настолько тихо, что я не сразу поняла, кто говорит.

– Тесса? – Полковник хмуро уставился на Тессу.

Мы тоже. Но скорее из-за того, что сценарий отступил

от привычного русла. Неужели спустя восемь лет еще могут возникнуть новые идеи о том, что уже давно изучили до костей и разобрали по полкам?

Тесса словно очнулась от раздумий и взглянула на нас. Мне кажется, она не хотела этого говорить. Меня тоже иногда засасывает в собственные размышления, а потом уже не следишь за собой и ляпнешь чего-нибудь вслух. Вот у Тессы такой вид и был сейчас. Но теперь уже кота за яйца не потянешь. Слово – не воробей.

Тесса откашлялась и повторила:

– Ляжка права. Совы, видимо, просчитались, когда понадеялись, что успеют скрыться за внутренними воротами, – сказала Тесса своим привычным ровным невозмутимым тоном.

Видно было, как тяжело ей даются слова. Она не хотела произносить их вслух. Но в то же время ее это терзало, и она не могла не поделиться своими гениальными думами.

– Но ключевое слово здесь – видимо, – она все же продолжила. – Это все – наши домыслы. Мы понятия не имеем, что там произошло.

– А ты что хочешь сказать? Как еще могли открыться ворота, если бы не наши солдаты их активировали? – Фунчоза первым встал в оппозицию. Он всегда перечил Тессе, даже если заведомо знал, что не прав. Он просто обожал ее бесить. А я обожаю за этим наблюдать.

– Ты про внешние или про внутренние?

– Мы знаем, что внешние закоротило из-за повреждений пульта! – Фунчоза закатил глаза.

– Откуда ты это знаешь? Ты видел пульт после того дня? Нет, не видел! Потому что мы завалили тот ход камнями, подорвав скалу над ним, чтобы перекрыть доступ зараженным на базу.

– Ой ну что за хрень ты несешь?

– Если ворота были исправны, то зачем нашим их было открывать? – поддержал Антенна.

– А что если их открыли вовсе не наши?!

И тут мы все замолкли. Наверное, мы были слегка удивлены той фигней, что несла эта ненормальная. Говорю ж, она всегда всем наперекор идет, даже если при этом произносит ересь. Но Полковник Триггер слегка сузил глаза, а это был знак того, что он пытался просчитать в уме вероятность такого сценария. Неужели он снова ее поддержит?

– Ты хочешь сказать, что мара могли их открыть?

– Я хочу сказать, что мы не знаем наверняка.

– Чтобы открыть ворота, надо набрать код разблокировки, выбрать из меню параметры и активировать кнопку, – напомнил Антенна.

– Восемь лет назад на пультах не было кодов разблокировки.

– Да, но тебе все равно нужно было уметь читать, чтобы выбрать из меню необходимый раздел, а потом активировать запорное устройство, – сказала я.

– Или хочешь сказать, что зомби читать научились? – спросил Фунчоза.

Тесса смотрела на нас, но больше не произнесла ни слова. Полковник откашлялся.

– Тесса, ученые доказали, что вирус поражает головной мозг настолько, что активными остаются лишь моторные функции и некоторые функции теменной доли: зрительная, слуховая, осязательная. Они, по сути, звери, которыми движет лишь голод. Когда еды рядом нет, они впадают в спячку до первого запаха человеческого тела. То о чем ты говоришь, маловероятно.

– А то, о чем говорите Вы, не доказано.

Тесса смело смотрела в глаза Полковника. Ему нравилась ее дерзость. И она об этом знала. Для меня это походило на наигранную фальшь. Возможно, даже отрететированную этими двумя. Просто я пока не до конца поняла ее смысл.

– Черт возьми, Тесса! – не выдержал Фунчоза. – Да ты их сама отстреливаешь на миссиях! Ты хоть раз видела, как они сидят вокруг костра и книжки читают? Или песни поют? А может, пока мы их не видим, они ходят в школу, прыгают в классики и чешут пузо котяткам?

– Я не говорю, что они обладают разумом или сознанием. Я хочу сказать, что, возможно, они...

Тесса запнулась.

– Умеют планировать?

Да. Полковник снова поддержал ее бредовую идею.

А у меня в голове зажглась лампочка догадки. Мы с Фунчозой-Помойкой незаметно переглянулись. Я могу ненавидеть его, он может меня бесить до чертиков, но мы с ним объединены еще одной задачей помимо той, что возложил на нас Триггер. Бунтарский дух гуляет по базе и Падальщики не исключение для него. Мы каждый день думаем над тем, чью сторону изберем, если начнутся реальные восстания. И черта, которая объединяет меня с этим любителем манги – факт того, что именно с нас двоих начнется распад единства Падальщиков.

Фунчоза-Помойка тоже просек хитроумный план, что Тесса с Триггером задумали и претворяли сейчас в жизнь. Вот же черт! Вот же умные ублюдки! Решили нас напугать чушью про думающих зомби? Это больше похоже на жалкую попытку напугать ребят для того, чтобы объединить их пуще прежнего и запереть под землей еще на сотню лет.

– Стандартные стратегии нападения. Это не сложно. На это способны стайные хищники: волки, львы, гиены, шимпанзе, косатки. Они не обладают настолько развитым интеллектом, как мы, но во время охоты они способны выстраивать комбинации из особей: кто-то отвлекает, кто-то нападет, кто-то загоняет. Что если все это время мы недооцениваем нашего врага?

– Еще ни разу я не увидел в их атаках хотя бы намеки на строй! – Фунчоза непреклонен.

А мне просто весело.

– Мы сталкивались с группами до трех-пяти зараженных. При таком количестве сложно вычлениить иерархию.

– Тесса, охота – это одно. Но ты сейчас говоришь об активации компьютерного запорного устройства. Возьмем твоего дикого шимпанзе. Думаешь, если поставить шимпанзе перед пультом, он смог бы нажать в верной последовательности целый алгоритм из кнопок?

Тесса не ответила. Да тут и не нужен был ответ. Она сделала вид, что поняла, как облажалась со своими гениальными догадками. Но на самом деле цель была достигнута. Я оглядела лица присутствующих. Да, эта сука зародила-таки семена сомнений в головы командиров. По крайней мере, в головы тех, кто еще не принадлежит нашему небольшому тайному бунтарскому кругу. Нас-то она не сломит. Мы настолько пресытились этим страхом перед жизнью на поверхности, что уже блюем им.

– Я просто хочу сказать, что у нас нет доказательств, – снова тихо произнесла она, – может, потому и проигрываем.

На несколько минут в штабе воцарилось молчание. Эта смышлёная дрянь умеет нагонять депресняк. Я вообще заметила, насколько она поднаторела в способностях психологического воздействия на собеседников. Триггер, походу, основательно взялся за ее муштру. Потому что она озвучила ровно то, что каждый хранит где-то глубоко в подсознании и не хочет признавать.

Мы проигрываем.

Даже сидя здесь, взаперти, за стальными стенами. Мертвецы хозяйничают в открытом мире, отныне он их по праву. Они сильнее нас, они отобрали наш мир и засунули нас в клетку, а природа проводит над нами свои жестокие эксперименты: Сколько особей выживет без солнечного света? Сколько особей подвергнутся хроническим болезням из-за скудного питания? Как быстро человеческий вид переступит черту и введет смертную казнь из-за невозможности содержать преступников вследствие назревающего голода? Как быстро люди сойдут с ума и станут каннибалами?

Беспросветное отчаяние прячется в наших грудях, как в тех макаках в экспериментах Гарри Харлоу в двадцатом веке, когда он запирали их в «Яме отчаяния» на восемь месяцев, откуда не было выхода на поверхность, они теряли волю к сопротивлению и забивались в угол, пока бездушный маньяк холодно взирал на них и делал записи в блокноте. Записи, которые впоследствии все научное сообщество признало бесполезными, потому что они доказывали очевидные вещи: отсутствие социальных связей уничтожает социальных существ.

Природа экспериментирует над нами, как когда-то мы экспериментировали над невинными животными.

Однажды в Хрониках я нашла описание чудовищного эксперимента над обезьянами-матерями, которых заперли в клетке со своими малышами, а потом начали нагревать пол. Обезьяны немедленно взяли малышей на руки, но пол про-

должали нагревать. И когда боль от ожогов стала невыносимой, обезьяны бросали своих малышей на горячий пол и вставляли на них.

Материнский инстинкт проиграл инстинкту самосохранения.

И знаете, что? Этот эксперимент я наблюдаю сегодня вочию.

Во время одной из вылазок три года назад мы нашли запертых в бомбоубежище людей. Таких бомбоубежищ разбросано сотни тысяч по всей Европе еще со времен Второй Мировой. Так вот, мы эвакуировали восемь человек: двое мужчин, четверо женщин и двое маленьких детей, которым и года не было. Они были истощены, больны до самых костей, едва могли говорить, воняли до рези в глазах. Помню, мне эти люди сразу не понравились: было в них что-то омерзительное. Не считайте меня надменной, я понимаю, что они прожили в этом бункере порядка двенадцати лет и оттого конкретно спятили и даже одичали. Но я помню их глаза. Почему-то мне показалось, что в них не было души. Они были теми макаками из «Ямы отчаяния»: отрешенные, апатичные и патологически ненормальные. Их уже увозили на базу, когда мы впятером спустились в этот бункер, чтобы найти что-либо пригодное в пользование. Разумеется, мы не нашли ничего, кроме...

Мне до сих пор снятся кошмары, как будто я сама застряла в этом бункере без возможности выбраться на поверх-

ность. И я понимаю, что мои сны – это проекция переживаний моей души, которая боится упасть на дно этого адского бункера и остаться в нем навсегда, отправив мое пустое тело бродить по земле до тех пор, пока оно не сгниет.

Они прожили в бункере двенадцать лет, запасы консервированной еды закончились быстро, лишь вода поступала по трубе из источника под землей.

Мы нашли кости... очень много костей... косточек.

Ужас закрался в мое сердце так, что руки затряслись, когда я ковырялась в маленьком холодном погребке, где хранилась всего парочка свежих кульков, обмотанных холщовой тканью. Я не сдержалась. Меня стошнило.

Я блеванула на то, что эти заложники бункера считали обыденной жизнью. Я снова поражалась тому, насколько человек отвратителен своей способностью приспособливаться к самым мерзким условиям жизни. Чертова жизнь. К дьяволу такую жизнь, если она заставляет плодить детей и употреблять их в пищу! Собственных детей!

Никого из Падальщиков, кто присутствовал там, этот факт не оставил безразличным. Долгое время мы вообще не могли произнести ни слова и лишь огорошено взирали на эти окровавленные свертки. Мы вдруг еще ярче представили себе мир, в котором умирает мораль. Мы вдруг осознали, что отныне единственным препятствием между разумным человеком и празднеством аморального хаоса служат лишь Падальщики, которые в буквальном смысле держат ключ от

дверей в последнюю попытку человечества доказать, что в нас еще есть потенциал раскрыть милосердие в своих мелких душонках, чтобы создать на земле мир, в котором не будет боли, насилия, жестокости. Господь словно дает нам выбор: либо вы будете здравствовать сострадая, либо вымрете монстрами...

Подобные ужасы, с которыми мы сталкиваемся на поверхности, сплачивают нас – командиров Падальщиков, потому что ни один житель базы не видит этих мерзостей, счастливо проживая в мнимой безопасности. Падальщики – пророки. Только мы можем поведать нашей пастве об аде, который ждет нас, если мы позволим своему внутреннему трусливому безумию вырваться на волю. Оно запрет нас под землей еще на десятки лет, где мы со страха начнем жрать друг друга. В такие моменты я понимаю, что сколько бы мы ни конфликтовали друг с другом, враг у нас один – наша трусость.

Когда я пришла в себя после чудовищного открытия, я поняла, что скрывалось в безразличных взглядах тех спасенных из бомбоубежища людей.

Пустота.

Там не было ничего. Там не было души. Она умерла в тот момент, когда они убили первое дите, чтобы выжить самим. Они были слишком напуганы, чтобы выйти на поверхность и искать пропитание там, рискуя жизнью. Они добровольно сдали свои души аду, лишь бы не испытывать страх. Потому что они слишком трусливы, чтобы бороться за человека,

как за существа высшего порядка. Слишком трусливы, чтобы бороться за собственные души. Потому она и покинула их. Душу надо ценить.

Но еще тошнее мне оттого, что эти шестеро нелюдей живут сейчас на моей базе и растят тех двух малышей, которых готовили употребить в пищу. А шестеро ли их? Сколько аморальных уродов – потенциальных каннибалов мы спасли? Выродков, которых природа планировала стереть с земли, потому что как раз они и развернули ад на земле? Надо ли было их спасать? Должны ли мы были давать им второй шанс? Эти вопросы не дают мне покой уже три года.

Страх твердит, что надо от этих людей избавиться, зачистить ряды человечества, чтобы только самые достойные вышли в новый мир.

Но вот душа моя...

Душа твердит, что надо помогать всякому просящему, несмотря на его грехи, мол, не мне судить. Ведь если откажешь, то станешь такой же, как они: бездушной и пустой.

Вот и смотрю я на все, что происходит сегодня на Желяве и вижу лишь то бомбоубежище, только большего масштаба. Все это – большой монструозный эксперимент природы над человеческим видом. Мы бьемся в агонии перед ней, убиваем собственных детей, а природа стоит за стеклом и с беспристрастностью вивисектора делает заметки в своем чертовом блокноте.

Если мы хотим выжить после этого природно-лаборатор-

ного кошмара, одной деятельности Падальщиков недостаточно. Каждый должен бороться за сохранность своей души, иначе станешь таким же мертвецом, что обитают на поверхности.

Буддист прав: мы расплачиваемся за чудовищные грехи предков. Мы обязаны нести этот крест, даже если персонально ни в чем невиноваты. Те бедные животные в лабораториях тоже ни в чем не были виноваты, их просто поставили в такие условия: терпи боль. И они терпели. Также, как и мы сегодня.

Я стараюсь не думать о том, что проклята с рождения. Нельзя выпускать это отчаяние на волю, иначе точно пристрелишься, и получится, что ответственность за человечество возьмут на себя те самые аморальные приспособленцы, а это означает бесповоротный апокалипсис.

– Зараженные прорвались на базу, и началась паника. Они распространились по всем коридорам. Кто-то успел запереться за бронированными дверями, кто-то нет, – продолжал Антенна. – Основная схватка велась в блоке складов. Там же произошел пожар.

– Какой урок мы извлекли после этого?

– Разбили коридоры на отсеки. Каждый отсек оснащен аварийными дверьми, чтобы можно было изолировать врагов, – отвечаю я.

– А потом приготовиться во всеоружии и размазать их мозги по стенам!

– Тормунд!

– Простите, сэр.

– На ошибках учатся, любит говорить Генерал. Но я вот, что вам скажу: некоторые ошибки слишком дороги, чтобы их допускать. Весь наш Протокол безопасности, – с этими словами Полковник указал на толстый талмуд, лежащий посреди стола, – написан кровью. Поднимите руки те, кто потерял кого-либо в той бойне.

Заключительный этап представления. Мы все поднимаем руки. Я, Антенна, Буддист, Тесса. Я вижу, как Антенна толкает локтем Фунчозу в бок. Тот нехотя поднимает руку.

На этом месте первые четыре года в глазах Полковника всегда проступали слезы. Теперь же там бесконечная грусть.

Он тоже поднимает руку.

Он потерял там сына.

– Давайте сделаем так, чтобы их жертва была ненеправдой.

7 декабря 2071 года. 11:00

Тесса

Полковник приказал мне пройти в его кабинет после собрания. Я знаю, зачем. Сейчас он пошлепает меня по попке.

– Нельзя так, Тесса.

Я стою по струнке и просто жду, когда очередной выговор за дверьми закончится. Малая цена за расположение Полковника Триггера.

Все вокруг думают, что я его любимица. Возможно, это так. Но я сомневаюсь, что пойдет дальше этого. Он видит во мне потенциал, хотя мы оба понимаем, что мой потенциал другого поля. Он ищет себе на замену такого же узколобого солдафона, который будет решать проблему огнем и смертной казнью. Чем больше я служу в качестве командира, тем больше мы оба видим, как часто меня заносит куда-то вбок. Я и сама не знаю, куда.

Главная проблема состоит в том, что окружающим не хочется предположить данный вариант обстоятельств. Им хочется верить, что я первородное зло, с которым необходимо бороться. Я давно перестала внимать слухам о том, что я сплю с Триггером. Честно говоря, эти слухи забавляют меня. Иногда я ими даже пользуюсь, когда хочу выбить дополнительные тренировки на симуляторах, новую униформу для Маяка или когда не хочется участвовать в ежемесячных летучках военного блока. Солдаты обходят меня стороной, когда думают о том, что за моей спиной представитель Генералитета. В прямом и переносном смысле этого выражения. Ну а мне только это и нужно – получить, что хочу, и уединиться. Что тут скажешь? Моя ярость сделала меня изгоем.

– Я вижу, что ты пытаешься найти ответ. Мы все пытаемся.

Полковник Триггер сидит в кресле за столом. Он смотрит на верхний правый ящик. Я знаю, что внутри. Там фотография Марка – его погибшего сына.

– Иногда в тебе проступает тот ученый, которого ты похоронила. Помни, на кого ты училась?

Он знает мой профиль наизусть, но я вынуждена подыгрывать его спектаклю.

– Я закончила четыре класса общей научной подготовки.

– Но после четырех классов идет распределение, не так ли?

– Да сэр. Я выбрала военную службу.

– А на кого бы ты пошла?

– Сэр?

– Если бы не произошел прорыв базы, в какой научный отдел ты бы пошла?

Рефлекс заставляет меня сглотнуть. Надеюсь, Полковник этого не видит. Хотя он наверняка даже почувствовал, как сжался мой сфинктер. Потому что я знаю, к чему он ведет. Я уже даже знаю, чем закончится этот диалог.

– В отдел баллистики, чтобы работать над модернизацией наших ружей, бомб, боевых машин? Или в биоинженерию, чтобы разрабатывать новые улучшенные протезы и строить первый военизированный экзоскелет? А может, к физикам? У них там раздолье для фантазии: все эти подземные технологии от скоростных радиосигналов, через которые мы общаемся с другими базами, до систем фильтрации кала и мочи, которые мы используем, как удобрение для агроблока, – фантазирует он.

Полковник смотрел на меня с легкой ухмылкой. Ему нра-

вится ставить меня в неловкое положение. Раньше я опускала глаза, как провинившаяся девчонка. Сегодня же я испытываю его взгляд на прочность.

– Нет, ты бы выбрала что-то из биологии: генетика, вирусология, этология. А знаешь, почему?

Конечно, знаю.

– Есть люди – паразиты, которые просто живут за счет других, и им ничего не нужно. Есть люди – трудоголики, которые живут ради того, чтобы просто что-то делать. А есть мечтатели. В мое время они боролись за разные виды свобод: свобода слова, свобода выбора, свобода от эксплуатации разных форм. Неудивительно, что именно мечтатели меняют мир, в котором паразиты и трудоголики, продолжают жить.

Голос Полковника чуть сорвался, он схватился за грудь и откашлялся. Он уже целый час говорил, а потому отпил воды из стакана, чтобы унять изжогу.

– Так вот к чему я это веду. Неважно, где ты ведешь эту борьбу. Мечтатель везде найдет, что улучшить. Ты хотела вести борьбу в лаборатории, хотела узнать врага изнутри. Но потом ты потеряла брата, и это событие выпустило ярость из груди. Тебе было необходимо ее выпустить, и ты взялась за ружье.

Мой сфинктер съезжился так, что можно грецкие орехи в нем щелкать.

– Но вот прошло восемь лет, ярость поутихла, и наружу снова вырывается та Тесса – без пяти минут ученый. Ты на-

чинаешь задавать вопросы и наводить переполох среди тупоголовых солдат. Они едва научились читать и считать, как их уже определили на физкультурную подготовку. Они гири тягают с одиннадцатилетнего возраста. И они представления не имеют о всем том, чем тебя пичкали в научных дисциплинах.

– Хотите сказать, что им так и надо оставаться тупоголовыми, чтобы они не задавали вопросов, а вам было проще ими руководить?

Черта с два я промолчу на это.

– Вовсе нет, Тесса. Задавать вопросы – важно. Узнавать что-то новое – важно. Но вот, что мне не нужно, и что я буду пресекать всякий раз – это подстрекательство.

– Я ничем таким не занимаюсь.

– Возможно, неумышленно.

– Я Вас не понимаю, сэр. Вы обвиняете меня в бунте?

Полковник тяжело вздохнул. Он смотрел на меня своим слегка сощуренным взглядом. Он пытался меня прочитать.

До нас обоих доходят слухи о беспокойных настроениях в военном сословии на базе, но это не секрет для нас с Триггером. Мы даже знаем, кого эти настроения цепляют больше всего из числа солдат в наших спецотрядах. Но шептаться под кроватью – это одно, а вот организовывать настоящее восстание – это уже другое. Редко кто переходит из первой группы во вторую. И, тем не менее, нас с ним не покидает ощущение сидения на пороховой бочке.

– Нам всем нужно во что-то верить. И солдатам нужно иметь твердую веру в первую очередь. Иначе, они начнут думать перед тем, как спустить курок. Или еще хуже – бояться. А это недопустимо. Они могут потерять драгоценные секунды и погибнуть. Это слишком тонкая грань между жизнью и смертью. Я хочу, чтобы мои солдаты бесстрашно зажимали курки на винтовках.

– Я всего лишь подвергла сомнению то, что не имеет прямых доказательств.

– Нет, Тесса! Ты лишаешь их непоколебимой веры! Да, сейчас они верят в то, что не доказано, но это является наиболее правдоподобным сценарием развития событий. Ты не можешь подставить это под сомнение и уйти вприпрыжку. Ты рискуешь посеять беспорядок. Поэтому если у тебя появляются идеи, подрывающие авторитет всего, во что мы тут верим, то будь добра, предоставь весомые причины поверить тебе, а не многолетним исследованиям.

Что ж, тут мне сказать нечего. Уделал. Черт, чуяла ведь, что надо было держать язык за зубами! Но полился словесный понос. Похоже на шутки ПМС.

– Тесса. Я тоже хочу найти ответ. И я не затыкаю тебя. Пожалуйста, иди, ищи, копай, изучай. Но принеси доказательства или хотя бы убедительные аргументы, прежде чем шатать нашу веру.

В его голосе проснулись знакомые мурлыкающие нотки, как у смягчившегося после порки дочери, отца. Я принимаю

это предложение о перемирии.

– Да, сэр!

– Свободна.

7 декабря 2071 года. 11:20

Калев

Тесса вышла из штаба много позже остальных. На ее лице читается раздраженность.

– Взбучка или похвала? – спросил я.

Она тяжело вздыхает.

– Взбучка.

– Уже третья за этот месяц.

– Да. Похоже, гормоны играют со мной злую шутку в этом месяце.

– О чем на этот раз сболтнула?

Она молчит. Я понимаю ее безмолвный ответ и поражаюсь тому, что ей хватило смелости озвучить свои теории вслух. Она рассказывает их только нам с Бриджит, но дальше нас эти теории не идут.

– Какая ситуация в этот раз?

– А ты как думаешь?

– Седьмое декабря шестьдесят третьего?

– Разумеется!

– Зараженные открыли двери?

Тесса остановила меня, и от ее напора я прижался к стене.

– Ты знаешь мое мнение по этому поводу! Уж слишком

многое мы принимаем на веру! А там за стеной не они ходят под носом опасности, а мы! И мы сами в ответе за свои жизни! – сказала она, тыкая пальцем мне в грудь.

– Тесса, я полностью с тобой согласен. Но никто в это не поверит, пока ты мордой в факты не ткнешь.

– Это меня и бесит! Мои доводы никто не принимает всерьез, потому что люди слишком тупые, чтобы их понять!

Я молчу. Потому что мы все по сравнению с Тессой тупые. Она изучала науки на четыре года больше, чем мы. Черт, да мы по сравнению с ней сопливые детишки, изучающие собственный кал.

– Полковник спросил, раз зараженные похожи на стайных животных, то сможет ли шимпанзе открыть ворота с пульта. А я вот, что тебе скажу: сможет! Если это давно обученный шимпанзе, страдающий от дикого голода, возможно, он бы и вспомнил, как открыть ворота. А зараженные – это и есть обученные особи, информация никуда не делась из их мозгов. Просто тот отдел мозга, где она хранится, отключен!

– Именно, Тесса. Он не работает.

Тесса хмуро взглянула на меня. Было в ее взгляде что-то обвиняющее, как смотрят на переметнувшегося предателя, но и что-то просящее вернуться на ее сторону. Я – ее сержант. Я согласился на эту роль со всеми вытекающими обязательствами. А одна из самых первых обязанностей сержанта – идти за командиром в пекло.

– Возможно, они способны извлекать эту информацию

на рефлекторном уровне. Как насчет мышечной памяти? – предлагаю я.

Тесса задумалась. Ей нравится эта идея, я вижу. Но нравится она не из-за гениальности, а из-за того, что за ней стоит – верный сержант.

– Возможно, – соглашается она, опустив глаза.

Я понимаю, что она считает мою идею глупой, но тем не менее, не показывает это, потому что ей нужны союзники. У нее никого нет, кроме нас с Бриджит. Тесса – человек нелюбимый и я бы даже сказал социофоб, ей комфортнее в одиночку, вот только в сегодняшнем мире изгоем не выжить, приходится искать единомышленников.

– Так, значит, с отрядом сегодня вспоминаем шестьдесят третий?

Тесса кивнула. Мы идем по направлению к казармам.

– Я уверена, вы справитесь без меня, – ответила она.

Я оставляю ее в спальне. Ей нужно побыть одной, чтобы собраться с загадочными мыслями, которые в последнее время одолевают ее все чаще.

7 декабря 2071 года. 11:30

Тормунд

Мы наблюдаем за тем, как СС удаляется со своей шлюшкой Калобом. Вот же ублюдки! Когда кажется, что все уже успокоилось и жизнь возвращается к своему гребанному ритму, эта Тесса снова бучу поднимает.

– Что думаешь насчет всего этого? – спрашивает Ляжка, кивая в сторону Стервы.

Я отхаркиваюсь, как это делают всякие опасные ребята из боевиков Хроники. Вот только на базе нельзя плевать на пол, поэтому приходится всю эту харкоту сглотнуть. Но и это я делаю с видом опасного бандита.

– Задумали они с Триггером что-то, – выдаю я гениальную мысль в стиле Клинта Иствуда, наблюдающего за бандой убийц из какого-нибудь вестерна.

Но странным образом Ляжка не поразилась моей проницательности и продолжала смотреть вслед треклятой парочки.

– Беспокойство на базе растет с каждым днем. Триггер должен был что-то предпринять, – вставляет Буддист.

– Да. Напугать население угрозой похлеще вируса, – говорит Ляжка.

– Угрозой соображающих зомбаков, – добавляю я.

– Нет ничего эффективнее в сдерживании толпы, чем страх, – выдает Ляжка.

– Страх перед чем-то неизведанным, неизученным, не имеющим доказательств. Но ведь главное посеять панику. А паника, как тля – пожирает человеческие души быстро и бесповоротно.

– Страх перед террористами, перед экономическим кризисом, перед нашествием геев, – я снова отхаркиваюсь, оглядываясь по сторонам, но вездесущие красные глаза Желявы

следят за мной без устали. Поэтому приходится снова сглатывать соленую склизкую харкоту.

– Да, но думающие мертвецы? Мертвецы, которые сидят за компьютером и головоломки с дверьми решают? Думаешь, народ купится на это? – не верит Ляжка.

– Надо только парочку доказательств придумать да запустить грамотную пропаганду с ними. И тогда...

– Вали-прощай на долгие года в Подземелье! – заканчиваю я мысль Буддиста.

– Сорок дней и сорок ночей длился потоп, смывая бездушных людей, людей, погрязших в убийствах, блуде, пороке.

Мы с Ляжкой переглянулись и уставились на Буддиста. Вечно он депресняк наводит своими проповедями!

– Потоп еще не закончился, друзья. Мы всего лишь в самой его середине.

2. Мир умирающих грез

9 декабря 2071 года. 10:00

Тони.

– Короче! Всем доброго утра, сосунки! Я надеюсь, сегодня все выпались, плотно поели, обрыгались, просрались и готовы отправиться в разведывательную миссию!

Голос Фунчозы раздался в самом ухе. Я отрегулировал громкость динамика на приемопередатчике, не хочется оглохнуть от словесного поноса Фунчозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.